

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ОПАСНЫЕ
СОЮЗНИКИ

Алекс Орлов
Опасные союзники
Серия «Сокровища
наместника», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885734
Опасные союзники / Алекс Орлов.: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77682-5

Аннотация

После головокружительных приключений, связанных с сокровищами королевского наместника, бывший вор Мартин обрел спокойную жизнь в доме на окраине Пронсвилля. Вместе с Рони, тоже завязавшим воров, они открыли лавчонку скобяных товаров. И надо же было такому случиться, что однажды она сгорела. Мартин и Рони остались ни с чем. Чтобы не умереть с голоду, пришлось Мартину набирать команду и отправляться к дальним землям. А такие путешествия сулят не только барыши. Впрочем, Мартину не привыкать сражаться с монстрами, идти на abordаж и преодолевать чары коварных красавиц...

Долгожданное продолжение «Сокровищ наместника»!

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	20
5	25
6	29
7	35
8	38
9	44
10	49
11	52
12	58
13	63
14	68
15	72
16	80
17	84
18	87
19	90
20	93
21	99
22	105
23	109

24	113
25	120
26	124
27	129
28	134
29	137
30	141
31	144
32	149
33	153
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Алекс Орлов

Опасные союзники

© Орлов А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Жизнь в Пронсвилле оказалась не такой беспечной и простой, как поначалу казалось Мартину и Рони. Да, цены на городском рынке были заметно ниже лиссабонских, но время шло, и заработанные деньги таяли, тем более что большую их часть Мартин с Рони потратили на покупку дома на окраине города с участком в двадцать таланов и хозяйственными постройками. Это обошлось в триста двадцать золотых терций – сумма немалая.

Разумеется, можно было купить за гроши усадьбу в деревне, но ехать в деревню они не хотели, там был свой маленький мирок, свои отношения, впутываться в которые ни Мартину, ни Рони не хотелось. Им хотелось удобств и процветания, ведь ради этого они немало потрудились.

Мартин даже подумывал завести семью и приглядывался к цеху белошвеек. Рони был для женитьбы слишком молод и поглядывал в сторону служанок – те были куда легкомысленнее.

Вместе с тем компаньоны понимали, что нужно как-то зарабатывать на будущее, поэтому купили пустующую лавку, привели в порядок и занялись торговлей коваными гвоздями и подковами.

За первые пару недель удалось наладить кое-какую клиентуру – наценки на гвозди делали совсем небольшие, и через

месяц кованых гвоздей брали уже по дюжине, а сапожных и вовсе по три фунта. Стала продаваться проволока-тянучка, ее поставлял деревенский кузнец за двадцать миль к северу, а брали мебельщики – чего-то там стягивали.

В общем, дела пошли, и Мартин подумывал вскорости открыть вторую лавку на другом конце города, но – не сложилось.

В одну из ночей лавка запылала, и остались от нее только головешки – товар перед поджогом вынесли.

Уличный сторож утверждал, что ничего не видел, однако старательно прятал глаза и, когда Мартин пытался допросить его с пристрастием, угрожал пожаловаться королевскому полицайпрокурору.

Впрочем, и так было ясно, кто устроил поджог. В слободе имелись еще пять лавок по гвоздям и скобяной части – поджечь мог любой из их владельцев, поскольку цены новых лавочников никого не устраивали.

– Я найду этих сволочей, Мартин! Вот увидишь!.. – грозился Рони и действительно нашел. Через три дня запылали все пять скобяных лавок, и месть была произведена, однако легче не стало. Тридцать золотых монет, отданных за лавку, назад не вернулись, а на погоревшее место желающих не было.

Вместо покупателей горелого участка явился лично королевский полицайпрокурор в сопровождении двух сержантов – с главного рынка и с рыбного.

Мартин тогда сидел перед домом и кормил уток, которых разводила их домработница Зена – немолодая женщина пятидесяти с лишним лет. Зена вела все домовое хозяйство, считала расходы, и Рони с Мартином были счастливы, что однажды приняли ее на должность сторожа.

– Доброго дня, господин Мартин без фамилии... – издали начал полицейпрокурор, а в дальнем конце переулка жалась на углу пятеро владельцев погорелых лавок, которые и вызвали королевского чиновника.

– Доброго и вам здоровья, ваше превосходительство, – ответил Мартин, прогоняя уток и сбрасывая с колен крошки, которыми кормил птиц. Он подошел к невысокой ограде, понимая, о чем пойдет речь, в то время как Рони прятался за сараем.

Разговор был коротким. Предъявить обвинения уважаемым домовладельцам полицейпрокурор не мог, и все обошлось полупамятками. Как выяснилось при разговоре, в ночь поджогов Мартин спал, Рони тоже спал, и их работница также спала крепко, поскольку напилась каплей валерианы от нервов. Мартин выразил свое сожаление, что ничем не смог помочь, и пожаловался, что их тоже пожгли – точно таким способом.

В общем – обошлось.

Но это были пустяки по сравнению с тем, что деньги почти кончились, а никакой новой торговли или другого прибыльного дела партнеры не нашли. Оставшаяся горстка сереб-

ра еще давала им возможность прожить в скромности месяца два, но в дальнейшем не наблюдалось никаких улучшений, поэтому однажды, сидя за ужином, Мартин и Рони,ковыряя вилками засахарившееся варенье, предавались невеселым думам.

Все свои идеи они уже использовали, а новых не приходило.

– Чего заскучали, хозяева? – спросила их баба Зена, ставя на стол позавчерашние полпирога с грушами.

– Дык, нету дела-то, – вздохнул Мартин и принялся жевать черствую корку, которую бросил три дня назад, да теперь Зена снова ее подсунула. Корка была жженой, но Мартин не замечал, поглощенный невеселыми думами.

– Зарабатывать нечем, баба Зена, – добавил Рони и сунул в рот кусок колотого сахара. Потом шумно запил его отваром и так же, как и Мартин, стал глядеть перед собой в стену.

– Ну, я похожу, поспрашиваю, – неожиданно сказала Зена, собирая крошки шербета и ссыпая их в отдельный мешочек – для особо приближенных уток.

У Зены учитывалась каждая крошка, и если бы не мясо да утиные яйца, серебро закончилось бы месяц назад, а так они еще сносно питались, и Зена обещала устроить на земле огород – все равно участок пустовал.

2

В ночь после визита королевского полицайпрокурора Мартин с Рони долго не могли уснуть, все смотрели в темноту и вздыхали, предлагая и тут же отвергая новые планы финансового оздоровления.

По всему выходило, что следовало уволить Зену, продать дом с землей и переехать в деревню, чтобы там на эти деньги сводить концы с концами еще лет двадцать. Плохо? Плохо и скучно. Но ведь жили же как-то деревенские, и ничего – женились, плодились, растили деток.

– Мы могли бы завести корову, – предположил Мартин и вздохнул. Он и с утками-то справлялся с трудом, хотя Зена доверяла ему только угостить их крошками. А тут – корова.

– Лучше уж к лихому ремеслу вернуться, пока нас здесь никто не знает... – пробубнил Рони.

– Это не лучше, чем корова и даже свиньи, Рон. Вернувшись к ремеслу, ты ничего не выиграешь. Нет, мы постараемся что-нибудь придумать.

Они немного помолчали, но сон так и не шел.

– А знаешь, мы могли бы не увольнять Зену, если поедем в деревню. Она такая хваткая, все знает, все умеет.

– Это да, с ней будет проще. Она и огород может посадить.

– И я смог бы помогать ей – землю копать. Я однажды рыл подкоп под домом одного купца. Большой такой, длинный,

мы через него не только золотишко вынесли, но даже стулья и бархатные занавески. И все за два часа, пока он на рынке с семьей шатался.

– Ладно, давай спать. Утром что-нибудь придумаем.

И они, наконец, заснули. А утро встретило их ясной погодой, пришедшей на смену густой облачности и легким ночным штормам, которые были характерны для этого времени года.

Несмотря на то что делать было особенно нечего, Мартин с Рони вставали достаточно рано, чтобы, позавтракав, отправиться в центр города и в порт, в поисках какой-нибудь работы или новой идеи.

Перед завтраком, верные приобретенной привычке, они чистили зубы, правда, уже не той первой щеткой – она стерлась от активного применения. Зена скрутила им на палочках воланы из бараньей шерсти, которые тоже годились в дело. А вместо белой душистой глины, которая тоже закончилась, натерла мела с известью, добавила мяты с корицей, и получилась глина ничуть не хуже прежней, и даже, по мнению Мартина, забирало новое снадобье значительно крепче.

Одно время у партнеров была идея продавать подобные средства в городе, но, порасспросив немногочисленных знакомых, они не встретили понимания, все только пожимали плечами и смеялись, удивляясь, что по утрам нужно за чем-то мыть зубы.

Одним словом, эта идея не прошла.

После завтрака Мартин с Рони вышли в город, полные решимости заработать хоть что-то ради принципа.

– Давай ящики в порту потаскаем, – предложил Рони. – А то уже как-то неловко даже.

– Согласен, – кивнул Мартин. – Или, там, двор какой приберем.

Рони не ответил. Все же таскать ящики ему казалось менее зазорным, чем махать метлой. Еще совсем недавно он был вором, и некоторые прошлые понятия в нем держались крепко.

И все же в этот день удача им улыбнулась. С острова Пасконь привезли четыре баржи соли, и все работники порта нанялись на их разгрузку. Мартин с Рони туда не попали – поздно пришли, однако тут же подвернулось торговое судно с Инзийского края, привезшее шкуры и валяную шерсть. Владельцы спешили управиться при хорошей погоде – разгрузка в дождь могла испортить товар, поэтому набирали всех подряд и изрядно переплачивали, так что Рони с Мартином принесли домой по серебряной монете.

Их одежда была пропитана потом, ноги гудели, болели спины, однако они были счастливы, ведь этот заработок приостановил их финансовую катастрофу.

Не обращая внимания на ворчание Зены, которой предстояло отстирать испорченную одежду, Мартин с Рони помылись теплой водой с крыши, где она нагревалась на солнце в старом медном баке, надели чистое исподнее и пошли на

свой заросший участок пить отвар из кислой травы, который хорошо делала Зена.

Сегодня они чувствовали себя настоящими добытчиками.

3

Где-то в полночь на улице залаяли собаки, но Мартин с Рони их даже не услышали – после тяжелой работы они крепко спали. Своей собаки у них не было, а чужие не слишком беспокоили. Между тем некто, убедившись, что в этом дворе ему ничто не угрожает, перемахнул через каменную ограду и приблизился к дому. Встал к стене, огляделся и пошел кругом, проверяя, нет ли возможности забраться внутрь.

Но никаких прорех в обороне найти не удалось, а закрытые изнутри ставни поддеть ножом не получалось, сколочены были на совесть. Дверь также выглядела основательной, и даже скважина старого замка закрывалась изнутри заслонкой.

Незнакомец вздохнул и, заметив на заднем дворе еще несколько построек, двинулся в их направлении. Это было не то, на что он рассчитывал, однако и в пристройках случилось раздобыть хорошую одежду, связку колбас, а то и живого поросенка.

Чужак подошел к двери и замер, прислушиваясь – полная тишина. Он приоткрыл дощатую дверь, и та даже не скрипнула. Вошел внутрь и стал привыкать к темноте.

Света неполной луны, падавшего в окошко у дальней стены, ему хватало. Он был человеком привычным и умел шу-

ровать на ощупь.

Вдруг впереди щелкнуло огниво, и за перегородкой загорелся прикрытый стеклом светильник.

Чужак достал нож и встал к стене. Главное – не дать подняться тревогу. И он был готов действовать.

Послышались шаркающие шаги, к тонкой двери перегородки кто-то подошел и остановился. Налетчик крепче сжал нож и затаил дыхание, собираясь бить, не раздумывая.

Неожиданно по его шее, словно змея, скользнула веревка, и не успел он испугаться, как сильный рывок заставил петлю затянуться. Раскинув руки, налетчик рухнул на пол и выронил нож. Не дожидаясь, пока он опомнится, Зена перебросила веревку через балку и, ухватившись за нее, повисла всем весом.

Поняв, что его удушают, налетчик вскочил, но петля поддернула его еще выше, затягиваясь все сильнее и не давая глотнуть воздуха.

– Не... не уби... вай... – прохрипел он.

Зена поддернула еще разок, потом отпустила веревку, и налетчик упал лицом вниз, а она тотчас завернула ему руки за спину и связала свободным концом веревки. Пока он приходил в себя, она подняла нож и села на перевернутый ящик.

– Перо-то у тебя кованое, не по чину, – сказала она, когда пленник смог повернуться на спину.

– Не мое это, от корешка одного досталось...

– От корешка, – повторила Зена и воткнула нож в дощатую стену. – Кого в городе знаешь?

– Да много кого...

Налетчик был несколько озадачен внешним видом особы, которая так жестко его скрутила, ведь это была пожилая худощавая женщина с седыми волосами, в застиранной ночной рубаше. Одним словом – старуха.

– Так кого ты знаешь?

– Пискалявого знаю, Кузнеца, Чигиря, Быча и Фуфу Зеленого...

– Это кто, мелочь?

– Нет, это самые основные – и в центре, и в порту. А ты, вообще, кто?

– Баба Зена я.

– Я тебя не знаю.

– Теперь знаешь. Что же мне с тобой делать?

– Отпусти меня, баба Зена. Отпусти, и так невезуха доконала. Второго дня колодники приняли, в подвале трясли – воду морскую в рот лили, едва не утопили. А в морду так дали, что едва сдюжил! Отпусти!..

– Не ори, – сказала Зена и вздохнула, раздумывая о чем-то своем. – Что за колодники?

– Дык этого, рыбного торговца Овцера люди. У него целая армия – в одном Пронсвилле на службе полсотни состоит, а еще по окраинам.

– Зачем ему столько?

– Так у него флот рыбацкий немереный, шаланды так и снуют. Рыбой на полземли торгует – сильно развернулся.

– И ты такого туза раздеть решился?

– Да где раздеть-то, баба Зена? Ни за что захомутали, я там не один в засаду попал, они полслободы перехватали.

– Хипижают?

– Не то слово!.. Кто-то Овцера обидел, братва говорит – ларец унесли, а в нем золота всего фунта на три, да только это наследство какое-то, дорогое для него очень. Вот и подумали на наших.

– А вы не брали?

– Не брали. У нас дураков нет против Овцера переть, он же хуже разбойника – к полицайпрокурору жаловаться не побежит, волкодавов своих натравит.

– Стало быть, приезжие?

– Стало быть, так, но я тебе больше скажу...

Пленник заерзал, пытаюсь улечься поудобнее, но при каждом движении перекинутая через перекладину веревка затягивалась на шее сильнее.

– Баба Зена, развяжи, я тебе все расскажу, ты же из наших – я вижу...

– С чего ты взял, что из ваших?

– По хваткам.

Зена вздохнула и, встав с ящика, одним движением распустила узел на руках пленника. Тот сразу освободился и, сев на полу, заулыбался, переводя дух. Потом снял с шеи петлю

и отложил веревку в сторону.

– Одним словом – дело совсем мутное. Вроде как был спор у этого Овцера с какими-то купцами иноземными. Цена спора и тема неизвестны, но они пообещали его наказать и наказали. Ларец не просто увели, а перекололи охрану, по слухам – целую дюжину.

– Где этот Овцер обретается?

– На Галламе у него дом в городе, а еще в Запашке на берегу, там, где белый песок. Яруса в три. И забор такой, что не сунешься.

– Ладно, поняла.

Баба Зена выдернула из стены нож и подала пленнику рукояткой вперед.

– Бери перо и выметайся. Тебя здесь не было, мы не виделись.

– Да я, Зена! Да я никому!.. – засуетился пленник, пряча нож. – Спасибо тебе!..

– Иди уже... Как там твое погоняло?

– Творог!

– Ух ты!.. Надеюсь, хотя бы жирный?

– Не знаю, но бабам нравится!..

Творог выскочил за дверь и, разбежавшись по двору, перемахнул через ограду.

Заслышав шум, с запозданием загавкали соседские собаки, а Зена вздохнула и, подойдя к ночнику, прикрыла его колпаком.

До побудки хозяев оставалось часа четыре, она могла поспать, прежде чем начать готовить завтрак.

Огонь в светильнике зашкворчал и погас. Зена зевнула и пошла к себе.

4

Тесто было поставлено с вечера и хорошо поднялось. Начинку Зена тоже сделала заранее, поэтому, разведя огонь в печи, принялась за готовку – к завтраку она наметила пирожки с картошкой и кислой сметаной.

Оба хозяина – старший и младший – пирожки любили.

Сделав обычную работу и накормив Мартина с Рони, Зена наскоро прибралась и, переодевшись, вышла в город, чего не делала уже с полгода, поскольку не было ни нужды, ни желания.

А чего ходить, если продуктовый рынок находился в паре сотен шагов от дома. Там были и овощи, и масло, и мука, и рыба. Вот и сидела дома. А в городе шум, грохот, повозки, нищие, прохожие и горластые зазывалы, от этого она давно отвыкла.

Люди сновали, задевая ее, толкали и спешили дальше по своим делам.

Иногда проносились карманники, но она, скромно одетая, их совсем не интересовала. Зато сама Зена буквально слышала, как воры втыкали проворные пальцы в чужие карманы то тут, то там, а потом уносились прочь с добычей, ввинчиваясь в толпу, словно ужи в тину.

Как же давно она не видела этой городской суеты! И тому были свои причины, ведь по здешним улицам ходило немало

людей, кто мог напомнить ей о прошлых подвигах и потребовать уплаты.

Переваливаясь в плетеных чеботах, Зена, улицу за улицей, миновала центральную часть и по Молочному прогону двинулась к западной – морской части города, наслаждаясь ароматами зрелых сыров, парного молока и простокваши. Она могла пойти и по Рыбной улице, но там пахло совсем иначе, молочная нравилась больше.

После Молочного прогона стояло несколько прачечных домов, потом тянулся пустырь с остатками снесенных построек, а еще шагов через триста начинался высокий забор из камня, за которым высились стены владений рыбного магната Овцера.

Зена прошагала вдоль стены и остановилась у глухих ворот, шитых из дубовой доски и носивших следы ударов тяжелого оружия – меча и молота. Видно, не зря у здешнего хозяина имелась немалая гвардия.

Зена подошла к воротам, дотронулась до них ладонью, а потом ударила.

«У-у-у,» – отозвались дубовые доски.

– Кто там?! – крикнул из-за ограды охранник.

– Это я – молочница!

– Какая, на хрен, молочница?

– Обычная. Принесла ряженку и каймак – как заказывали.

– Кто заказывал?

– Господин Овцер...

Возникла пауза, охранник охранял, но соображал туго.

– Да когда он мог тебе заказывать?

– А гулял по городу в прошлый раз со своими молодцами, кинул взгляд на мой товар, попробовал, сказал, что в жизни не пробовал лучше...

– Ладно, заходи.

Грохнул стопор, одна из створок подалась, и Зена проскользнула за первый рубеж.

Теперь перед ней было последнее препятствие без забора и дубовых досок – сидевшие у мощеной дорожки раскормленные гвардейцы Овцера.

– Эй, колбаса, ты это куда правишь? – проорал один из них, выходя на мостовую и расставляя руки, словно рыбу ловил.

– Мне нужен господин Овцер.

– Я тебе сейчас уши отрежу, тварь! Ты как сюда прорвалася?

Охранник демонстративно выхватил кинжал, а остальная компания дружно заржала.

– Молочница я – что непонятно? – возразила Зена, не прекращая движения.

– А где твое молоко?

– В корове!

– А где корова, дура старая?

– На лугу – где еще?

– Мы никакого молока не заказывали!.. Наш хозяин лю-

бит острый продукт!.. – сообщил охранник, когда Зена остановилась напротив него.

– Вы, барин, может, и не заказывали, но господин Овцер желает меня видеть, – заявила Зена с такой уверенностью, что охранник задумался.

– Ты чего мелешь, старая? – спросил он уже не так нагло. – Я тебя не пущу.

– Доложи господину Овцеру, что есть новости про Маржинскую дорогу.

– Какую дорогу?

– Маржинскую.

– А ему это надо? – задал вопрос охранник, пытаясь держать марку.

– Пошел и доложил! – приказным тоном произнесла Зена. – А я здесь подожду.

Охранник одернул китель, покосился на приятелей в поисках поддержки, но те лишь плечами пожали – дескать, кто его знает?

– Ладно, старая, жди здесь... – сказал охранник и направился к дому, а Зена вздохнула и посмотрела вверх, на шпили дворца Овцера. Ох и развернулся рыбный король – ох и развернулся.

Стены его дома были выложены не из ракушечника – самого дешевого камня на побережье, а из настоящего черного камня, тяжелого, как железо, который возили за сорок миль, и оттого он делался не золотым, а дважды золотым.

Как воспримет этот визит рыбный король города Пронсвилля, Зена не знала – она рисковала. Однако без риска нельзя получить желаемое, это она знала еще с тех времен, когда рисковала очень часто. Иногда совершенно без нужды.

5

Настойчивость старухи удивила охранника, он видел здесь многих посетителей, но все они, даже те, кто был высокого звания и при деньгах, посматривали на дюжих охранников с опаской. Но только не эта старуха. Хотя – как старуха? Старая женщина – так было точнее. Она не выглядела беспомощной, просто в годах.

Но что скажет хозяин? Он был скор на выводы, мог и в морду заехать, если не понравится хоть слово. А охранник в морду не хотел, тем более что хозяин бил больно, до кровавой раны. Многие ходили со шрамами после такой расправы, но хорошо хоть места не лишал.

– Ты куда? – спросил охранника лакей, который был негласным первым лицом во всей службе.

– К хозяину с докладом.

– Что за доклад?

– Баба старая ломится, говорит, что хозяину эта встреча очень нужна.

Охранник развел руками, следя за реакцией лакея. Тот служил здесь лет тридцать и знал о жизни хозяина много такого, о чем охранники и не догадывались.

– Может, полюбовница старая? – произнес лакей и почесал в затылке.

– Это ты у меня спрашиваешь?

– Это я у себя спрашиваю, – уточнил лакей и вздохнул. – А чего вообще говорила – как назвалась?

– Никак не назвалась. Доложи, говорит, господину Овцеру, что есть новости про Маржинскую дорогу.

– Так и сказала?

– Слово в слово.

– Охо-хо, – покачал головой лакей и поправил съехавший набок парик.

– Чего стонешь?

– А то, что у хозяина через ту дорогу много переживаний намешано...

– И чего? Может, не ходить? – забеспокоился охранник, помня о недавней участи своего коллеги, который принес хозяину «не ту новость» и был жестоко бит. Овцер его мог и все затоптать, не вмешайся вовремя слуги.

– Не, ты сам иди. А то, как же без доклада?

– А может, ты доложишь?

– А я при чем? Я в комнатах служу, мне насчет ворот ничего не сказано. Но я тут постою, так что топай без боязни.

– Без боязни, – повторил охранник и, поправив шляпу, вздохнул. Затем подошел к дверям и постучал.

– Что за дела?! Кто там скребется, как крыса подвальной?! – проревел Овцер. От страха у охранника закружилась голова, в лицо пахнуло холодом, но отступить было поздно, и он вошел в присутственный апартамент хозяина.

– Доброго утра, достопочтенный господин Овцер! – про-

изнес он и поклонился.

– И?

Овцер стоял возле полки с книгами и глядел в золоченые переплеты, негодуя на ранний визит охранника. Он уже который день был не в духе.

– Ваша милость, пришла старая женщина, к вам просится.

– Старая женщина? – удивился Овцер. Он привык к разного рода просителям, но то были в основном купцы, нуждавшиеся в приращении капитала, а тут – старая женщина.

– Что ей нужно?

– Ну, так – встретиться с вашей милостью.

– А кто она такая?

– Не сказала, ваша милость, только что-то про дорогу обмолвилась.

Овцер так посмотрел на охранника, что тому показалось, будто его пригвоздили к стене холодной пикой.

– Про какую еще дорогу? – не разжимая челюстей, проговорил Овцер и двинулся на перепуганного охранника.

– Про Маржинскую, ваша милость... Но я про нее ни слуху ни духу! Первый раз слышу!..

Овцер шагнул к нему ближе, и охранник со страху осел у стены, с ужасом взирая на широкоплечего хозяина в дорогой шелковой сорочке и красных бархатных штанах солдатского покроя.

У Овцера была короткая черная борода и жгучий взгляд, пронизывающий до костей. Сейчас он был босой – любил

ходить по теплому полу и оттого казался охраннику еще более диким.

Склонившись над холопом, Овцер сжал огромные кулаки так, что щелкнули суставы, но, вспомнив досадный инцидент месячной давности, взял себя в руки и отошел к окну.

– Как она выглядит?

– Ну... это...

Охранник понял, что пронесло, однако соображал пока очень плохо.

– Ну... она это... она сухая такая... Но глаз строгий, ваша милость, очень строгий глаз!

– Хорошо, веди ее сюда.

– Су... слушаюсь... – прошептал охранник и, не сразу найдя дверь, выскочил вон. После него в комнату вошел старый лакей и застыл в выжидательной позе.

– Сапоги подай.

– Вон они, ваша милость. И носочки к ним из крученных ниточек. Чистая шерсть! – елейным голосом пропел лакей и, приблизившись, поставил пару сапог с запущенными в них носками. – Желаете, чтобы обул?

– Пошел вон.

– Слушаюсь, – пробормотал лакей и вышел спиной вперед. Дверь закрылась, и Овцер, вздохнув, принялся обуваться.

6

Едва Зена вошла в апартаменты, провожавший ее лакей тотчас захлопнул дверь. Пришлось осматриваться самой, и она прошла в середину просторной комнаты.

Вдоль стен стояла мебель орехового дерева, кое-где украшенная резной костью и золотом. Дорогое зеркало с настоящей амальгамой висело до самого потолка, а новомодные гобелены, привезенные из Инглиандии, были развешаны без счета.

Половину окон закрывали тяжелые шторы, и комната освещалась лишь с одной стороны – светом окон, выходивших во двор.

Но, несмотря на богатую обстановку, дорогое дерево на полу и серебряные светильники, уюта здесь не ощущалось, только напряжение и страх. Хозяин чего-то боялся.

Зена вздохнула и коснулась левого рукава, где был спрятан кинжал, с которым она не расставалась тридцать лет.

Она пришла с миром, но кто знает, как настроен хозяин? Он появился из потайной дверцы, скрытой заморской мозаикой, в то время как Зена ожидала его у лакированной двери с инкрустациями.

– Ты кто? – сразу спросил Овцер, наступая на Зену и пытаясь вспомнить, откуда ему знакомы ее черты.

Горничные, прачки, белошвейки, купеческие жены, дамы

из семейств королевских чиновников – все былое пронеслось перед глазами Овцера, но это было не то. К тому же по Маржинской дороге он проезжал десятки раз.

– Не признал? – спросила Зена, пристально глядя на Овцера и по его глазам понимая, что он далек от этого.

– Стоп!

Овцер скрестил руки на груди и кивнул:

– Ты – та самая разбойница! Зена!..

– Ну, наконец-то. Думала, не вспомнишь.

– Да я тебя никогда не забуду, потому что поклялся найти и убить, тварь ты такая!.. – закричал Овцер, яростно жестикулируя и надвигаясь на непрощеную гостью, но та не сдвинулась с места, а Овцер остановился перед ней и, опустив руки, сказал: – Ты постарела, но осталась прежней Зеной.

– Я старалась.

– Ты помнишь, сколько унесла моего золота?

– Сорок фунтов, без двух унций.

– Точно. Но ты же понимаешь, что за эти деньги тебя убьют трижды?

– Да хоть четырежды, Ярмук, ты это золото уже не вернешь.

– Дело не в золоте, дело в чести! – снова начал распалтаться Овцер. – Ты опозорила меня! В конце концов – я поклялся! Почему ты так со мной поступила?

– Ты хамил, ты распускал руки, ты вел себя, как вырвавшийся из загородки бык.

– Ты мне просто понравилась! – развел руками Овцер.

– Ты мне тогда тоже понравился...

– Правда?

– Правда.

– Ты лжешь.

– Нет, не лгу. Иначе бы я заколола тебя в том грязном кабаке, но я просто ушла.

– Ты разрежала рот до ушей моему слуге!.. – напомнил Овцер.

– А ты приказал ему задержать меня и кричал вслед оскорбления.

– А ты решила отомстить?

– Нет, сначала я узнала, что по Маржинской дороге пове-зут монеты. Это сулило неплохой куш.

– Кто тебе сказал?! – воскликнул Овцер, разом возвраща-ясь на тридцать лет назад.

– Точно не помню, какие-то прислужники, что подноси-ли вам в кабаке закуску. Вы были неосторожны, наболтали лишнего, а они услышали и за пару серебряных монет про-дали новость моим людям. А уже потом я узнала, что это твой обоз.

– А что же не отказалась, если я тебе нравился? – криво усмехнулся Овцер.

– Нравился – не нравился... – Зена усмехнулась. – Дело прежде всего, Ярмук.

Они помолчали, возвращаясь в далекие события прошло-

го. Овцер вспомнил, как после ограбления искал тех, кто продал его разбойникам, и избавлялся от подручных, полагая, что вина лежит на них, но все оказалось проще.

А Зена вспоминала, с какой яростью дрались за золото Овцера его бойцы – это было самое кровавое побоище на дороге из всех, что она знала. Позже она корила себя за упрямство, ведь в этом бою она положила почти весь свой отряд, и хотя в результате получила золото, восстановить свое маленькое войско у нее больше не получилось.

А золото, что же – оно утекло между пальцев. Что-то украли свои, что-то потратила, что-то проиграла в Веронге. Три фунта монет пришлось отдать, выкупая у герцога Мальоре своего лучшего лучника, но ее обманули и вернули стрелка отравленным – он умер через пару недель.

Постепенно разбежались оставшиеся люди, а по ее следам пошли охотники, посланные Ярмуком и еще несколькими пострадавшими от Зены торговцами. Пришлось бежать, скрываться, затаиваться и снова бежать, потому что охотники были умелыми, а их хозяева продолжали им платить.

Лишь несколько лет назад, после долгих скитаний Зена сумела вернуться в эти места. Зачем – и сама не знала. Просто она здесь родилась, здесь от портовой воровки поднялась до вожака крупной и лихой банды.

– Я все еще не простил тебя, Зена, и ничего не забыл. Ты очень рисковала, когда шла сюда, и у меня нет ни малейшего желания отпустить тебя.

Зена посмотрела Овцеру в глаза – там были гнев, злоба и боль одновременно. Он не блефовал, он действительно хотел отомстить.

– Да, я рисковала, Ярмук. И я бы не пришла просто так – повидаться. Меня привело к тебе дело.

– Дело? У тебя ко мне дело?! – воскликнул Овцер и расхохотался. Однако быстро успокоился. Видно было, что ему сейчас нелегко и вовсе не Зена была тому причиной.

– Что у тебя может быть за дело, Зена? Ты видела себя в зеркало?

– Я знаю, что не молода, ты меня этим не обидишь, но я пришла, чтобы предложить помощь.

– В чем мне может пригодиться твоя помощь?

– Я слышала, тебя крепко обокрали и унесли что-то важное...

– И что, ты знаешь, кто это сделал?

– Еще нет, но можем договориться, и я возьмусь за это.

– У тебя снова банда? – усмехнулся Овцер.

– Нет, просто имеются ладные люди, которые могли бы помочь. Честно скажу, я пока с ними об этом не говорила – не было смысла, но если тебе будет интересно...

– А какой тебе в этом прок? Надеешься заслужить прощение?

– Просто деньги. Я получу процент, ну и, конечно, хотелось бы загладить перед тобой вину. Хоть немного. Ты можешь мне не верить, но теперь, с годами, все прошлые по-

двиги уже не кажутся мне такими уж прекрасными – кровавая слава превратилась в тяжелый груз, который давит все сильнее.

Овцер помолчал, переваривая услышанное, потом вздохнул и спросил:

– Где ты пряталась все это время?

– Много где. В Варнавии, на Пролитексе и даже в Урутако.

– М-да, так далеко охотников я за тобой не посылал.

Решив, что разговор с Зеной имеет смысл, Овцер вызвал лакея, и скоро в комнате поставили стол с двумя стульями, выписанными из Инглиандии.

Едва Овцер с Зеной сели, на столе появились сладости и горячий новомодный напиток, который возили из пустынных земель из-за моря.

– Попробуй это, Зена, не отравишься, – сказал Овцер, пригубливая напиток из своей чашки.

– Ну, даже не знаю...

Она попробовала и покачала головой.

– Горький...

– Это поначалу, но если пить его сладким и со сливками – будет вкусно.

– С сахаром и сливками все вкусно, – заметила Зена и, отодвинув чашку, посмотрела на Овцера, показывая, что ждет ответа.

– Пришли мне своих людей, я должен увидеть их, поговорить с ними. Сколько их?

– Пока двое.

– Пока?

– Я знаю, что у них есть еще верные люди.

– Понятно.

Овцер окунул в напиток белый сухарик, положил его в рот

и принялся задумчиво разжевывать.

– Ты у них кто?

– Кухарка и хозяйство веду.

Зена ожидала, что Овцер засмеется или хотя бы ухмыльнется, но он никак на это не отреагировал.

– Что у них за подвиги имеются, знаешь?

– Напрямую спрашивать опасалась, только рядом да около. Они оба из воров, но в завязке.

– Точно?

– Точно. Я такие дела сразу вижу. Проводили обоз с дорогим товаром, отбивались от разбойных шаяк и кое-чего похуже.

– С визитерами из-за гор?

– Из-за гор, – кивнула Зена. – Сечи были невероятные, мало кто дошел до места, но дело они сделали и за то спокойны. Опять же золото за работу у них тоже имелось. Не ворованное золото, это точно.

– А как определяешь?

– Ворованное утекает сразу, его не удержишь, и вору за добычу особенно не держатся, пропивают и снова за ремесло. А эти – нет, основательные, в дом вложились. Честные люди.

– А в прошлом воры.

– В прошлом – да.

– Ха, интересные у тебя хозяева, Зена.

– Ты как будто еще не все сказал, Ярмук, – сказала Зе-

на, замечая во взгляде Овцера тени, которые так и не рассеялись.

– Большого говорить не нужно, Зена. Если сговоримся, я расскажу больше, а если нет – трепаться ни к чему.

– Хорошо, тогда я пойду, – сказала Зена, поднимаясь.

Овцер тоже встал.

– Пусть приходят после второй стражи. Как их зовут и как они выглядят, чтобы охране сказать?

– Один седой, хотя и не такой старый, это Мартин. Второй парнишка молодой – Рональд.

– Ладно, пусть приходят. А сговоримся – деньгами не обижу. Свежие люди мне быгодились, свои не справляются – не тому обучены.

8

Возвращаясь домой, Зена зашла на рынок недалеко от дома, чтобы купить зелени для сметанного соуса.

Мысленно она уже выстраивала предстоящий разговор, прикидывая, как лучше начать, чтобы ее хозяева не слишком удивились неожиданной инициативе своей кухарки. В конце концов, она решила говорить напрямую, а уже по тому, как пойдет беседа, добавить подробностей.

Хозяев она застала за упражнениями с дубинками, они фехтовали ими, словно мечами, да так, что щепки летели. Иногда, случалось, кто-то получал по голове или отбивал руку – тогда Зене приходилось их лечить, правда, они и сами знали немало средств от всяких ранений. Это Зена давно отметила.

– Эй, хозяева, идите мыться, сейчас на стол накрывать буду! – крикнула она и поспешила на кухню.

Мартин с Рони тотчас свернули ристалище и пошли к большой бочке, куда собиралась дождевая вода. Там они обычно мылись на дощатом настиле, а потом переодевались в домашние штаны и рубахи.

Прежде о подобной роскоши они и не помышляли, однако теперь у них было по полдюжины штанов, рубах и обмоток. Правда, сейчас дело шло к тому, что их богатство пришлось бы продавать на городском рынке.

После помывки, пропахшие мыльным цветком, они прошли в дом, где уже вовсю хлопотала Зена.

– Что там в городе? – спросил Мартин, усаживаясь за стол, где уже дымились чашки с мясной похлебкой.

– Надо бы и самим сходить, – обронил Рони, нетерпеливо хватая кусок хлеба и ныряя ложкой в дымящуюся похлебку.

– Горячая! – напомнила Зена, однако Рони, по своему обыкновению, успел обжечь губы и стал трясти головой.

– Ай, зараза!..

– Простоквашу приложи, сразу пройдет, – посоветовала Зена и села за стол третьей, чего прежде никогда не делала – она обедала в одиночку.

Мартин положил ложку, понимая, что все не так просто, и даже Рони забыл про обожженные губы и сел на стуле ровнее.

– Что-то случилось? – спросил Мартин.

– Я ходила искать для вас работу.

– Искать для нас работу? – переспросил Рони, и они с Мартином переглянулись.

– Ну, вам же нужна работа, хозяйева?

– Зена, давно хотел тебе сказать – называй нас по именам, – попросил Мартин. – А то даже неловко как-то.

– Да, неловко, – согласился Рони, помешивая ложкой похлебку.

– Ладно, по имени – так по имени. Мартин, о вас с Рони я знаю немного, но главное я поняла – вы можете сгодиться

для денежной работы.

– Насколько денежной? – заинтересовался Рони.

– Есть заказчик, золота у него – полные закрома, и он даст любую цену, но и дело там непростое.

– А кто заказчик? – спросил Мартин.

– Ну, пока еще не заказчик, завтра, после второй стражи, он ждет вас к себе, чтобы присмотреться. Тогда и скажет – будет дело или не будет.

– Мы должны ему хорошо показаться? – уточнил Рони. – Может, новые штаны надеть?

– Нет, штаны сойдут любые чистые, – улыбнулась Зена.

– Со штанами решили, – кивнул Мартин. – А что за человек?

– Ярмук Овцер, рыботорговец.

– Овцер? – удивился Мартин.

– Овцер-мовцер, – в тон ему заметил Рони.

– А чего вы разудивлялись? – спросила Зена, хотя и поняла причину такой реакции.

– Да про него мало хорошего говорят, – пояснил Мартин, приступая к еде.

– Банда у него! Весь город пугает, да еще и окрестности до дальних деревень! – добавил Рони. – Люди говорят – с рыбаков три шкуры дерет, сети в залог забирает, а кто ему слово поперек скажет, те с промысла не возвращаются.

Зена кивнула. Ничего нового она не услышала, но кто она такая, чтобы судить Овцера? У нее случались длинные ночи,

когда невозможно было заснуть – страшные видения былых деяний преследовали ее, проступали во всех подробностях при том, что в те лихие года она рубила тесаком, не особо задумываясь.

– Так что, не будете работать на Овцера? – уточнила Зена.

– Отчего же не будем? – пожал плечами Мартин. – Будем, если он нас на подлости подряжать не станет. Что за дело у него?

– Сундук поперли с золотом.

– О, сундуки с золотом! Это дело нам знакомо!.. – сказал Рони и засмеялся, однако, наткнувшись на строгий взгляд Мартина, стал молча есть свою похлебку.

– Большой сундук? – уточнил Мартин.

– Вроде небольшой, но очень для него важный.

– Зена, а с чего ты решила, что мы на такую работу сгодимся?

– Дык, воры вы. Я это давно заметила, но теперь вы из ремесла вышли.

– Что, так заметно?

– Человек простой, конечно, не заметит – ну, мужики и мужики.

– А ты, Зена, значит, не простая? – вставил реплику Рони.

– Да простая я, просто с ворами знакомая была, так их повадки и выучила.

Они помолчали. Мартин с Рони съели похлебку, и Зена унесла посуду, а потом вернулась с двумя порциями овсяной

каши с маслом и кувшином ягодного настоя.

Поставив тарелки и разлив по кружкам настой, она налила себе и снова села за стол, давая понять, что разговор еще не закончен.

– Ты, Мартин, судя по повадкам, на каторге побывал?

– Нет, чаша сия меня минула. Просто в дыре сидел.

– И долго?

Мартин вздохнул, готовясь ответить, но его опередил Рони:

– Двадцать лет, как один день, в крепости Угол!..

– В Угле? Ты двадцать лет просидел в Угле?!

– Просидел, – сказал Мартин и неодобрительно покосился на Рони. Тот пожал плечами, дескать – а чего такого?

Зена помолчала, осмысливая услышанное. Она много слышала об этой тюрьме, но те, кто попадал туда, считались смертниками. Больше двух-трех лет никто не выдерживал, а тут – целых двадцать! Было чему удивиться. И было чему порадоваться, ведь при таком удивительном раскладе стоймость команды, которую она проталкивала, значительно возрастала.

– Как же ты ухитрился, Мартин?

– По приказу королевского наместника... – буркнул тот.

– Нет, как ты ухитрился выжить?

– Просто повезло.

– Все двадцать лет везло?

– Все двадцать лет. Я ведь счастливчик, Зена.

Мартин облизал ложку и положил на стол.

– У меня и погоняло воровское было – Счастливчик.

– Удивительно, – покачала головой Зена.

– А мне удивительно, что седая прислужница запросто поговорила с рыбным королем Овцером, к которому и с ротой королевских гвардейцев не пробиться. Как ты это объяснишь, Зена?..

– Вот именно, как? – повторил Рони.

Пришло время отвечать Зене.

– Когда я была моложе, он ко мне клеился.

– Клеятся к белошвейкам, Зена, – заметил Мартин. – Или к молодым прачкам. Ты же говорила, что водила дружбу с ворами.

– Ну, хорошо, – кивнула Зена и отхлебнула ягодного наста. – Мы здесь свои, кочевряжиться не буду. Я была Зена-Огонь, грабила за городом обозы. У меня была банда в пятьдесят два ножа, и как-то раз я обнесла Овцера, он потом за мной полжизни убийц гонял, едва уцелела.

– Это похоже на правду, – высказался Рони. Зена в ответ усмехнулась и покачала головой.

– Теперь понятно, почему ты нож «перышком» называла, – сказал Мартин.

– Разве называла?

– Да, пару раз проскочило.

Чтобы не опоздать на встречу с заказчиком, Мартин с Рони вышли загодя и попали в центр города в самый разгар утренней торговли.

Со всех сторон надрывались зазывалы. Потоки возов с разной всячиной двигались во всех направлениях и сталкивались на перекрестках. Извозчики ругались, местами случались потасовки, но Мартин с Рони обходили места конфликта и двигались дальше – сегодня у них были неотложные дела.

Однако совсем избежать утренней толкучки им не удалось. Возле Канатной улицы со стороны Шелковой слободы случилось столкновение подвод. Образовался затор, люди пошли кругом, и местные щипачи бросились снимать нектар, пока не рассосалась удобная оказия.

Мартин шел первым, за ним – Рони. Когда толстые торговки с корзинами перегородили им ход, пришлось остановиться, и в эту пору отряд щипачей разом атаковал всех, кто встал на перекрестке.

Кто-то заорал, хватаясь за мошну, другие и вовсе не заметили, однако Рони прихватил карманника за руку и вывернул так, что тот заорал, прося пощады.

– Не ломай, человек! Не ломай – ошибочка вышла! Думал, братец мой Леопольд, а оказалось, другой человек – пусти,

гад, ни за что калечишь!..

– Неужели ни за что, если ты не по делу кныкаешь, босяга?! – ответил Рони, отпуская карманника.

Воришка отряхнулся и, не оценив благородного жеста, крикнул:

– Ты кого босягой объявил, путаный?

– За путаного распутывать будешь, – сурово пообещал Рони.

– Ай, пойдем, – махнул рукой Мартин, увлекая за собой Рони, в то время как карманник растворился в толпе.

Они прошагали еще полквартала, когда из-за очередного угла выскочила шобла из дюжины молодых воров, и у каждого в руках был кривой портовый нож.

Предводителем стоял тот самый карманник, которого прихватил Рони.

– Ну что, портянка деревенская, ответишь за босягу? – спросил тот, ухмыляясь, и редкие прохожие поспешили перейти на другую сторону улицы.

– А ты ответишь за путаного, босяга? – в тон ему ответил Рони, снимая с пояса дубинку.

– Ну, все, путаный, сейчас за все ответишь!.. А ты, седой, отваливай, может, и выживешь!..

– Согласен, – поднял руки Мартин. – Отваливаю.

– Мартин, ты что – бросишь меня? – удивился Рони.

– А чего такого? Это же не черные орки, кучка засранцев – минута работы, и только.

– Эй, ты кого засранцами назвал?! – взревел один из молодых воров, широкоплечий, с обломанным морским тесаком в руках.

– Прошу прощения, господин хороший, уже отваливаю к стене. Прошу прощения...

Смешно раскланявшись, Мартин слегка смутил всю воровскую компанию и отошел к стене на противоположной стороне улицы.

– Начинайте, я пока орешков погрызу!.. – сказал он, делая рукой разрешающий жест.

– Дай я ему башку снесу, Шкиза! – проорал здоровый.

– Не бухти, Грузный, сначала этого уделаем.

Воры стали наступать на Рони, обхватывая полукольцом.

– Не стой на месте, бей по флангам! – подсказал Мартин, пытаясь разгрызть первый орех.

– Чего ты?! – оглянулся Грузный.

– Я говорю – штаны у тебя драные, должно, задницей на забор сел.

– Ах ты!..

Договорить Грузный не успел, Рони атаковал именно его фланг, нанося разящие удары тяжелой дубинкой из можжевельного дерева. Воры падали, тотчас вскакивая, шипя позмеиному и демонстрируя, что им все нипочем, но Рони снова бил их по голове, и те снова падали, больше не поднимаясь.

Лишь один из них, самый хитрый и проворный, смог зай-

ти Рони за спину, однако получил удар по голове и свалился на мостовую.

– Ну и как ты не заметил? – возмутился Мартин, убирая дубинку на пояс.

– Я не знаю, – развел руками Рони, переводя дух. – Выпустил его из внимания, их-то вон сколько.

И он обвел взглядом стонущих, едва дышащих и лежащих в полном беспомоществе воров.

– Я же тебе говорил – не смотри на того, кого бьешь, смотри вообще! Повсеместно! Ты и раньше в морду получал, оттого что смотрел прямо!..

Рони вздохнул и пожал плечами.

– Ну не смог я его увидеть, что теперь, сожрешь меня?

– А вы правда воры? – спросил неожиданно пришедший в себя вожак шоблы.

– Привет, Шкиза, доброго здоровья, – сказал ему Мартин.

– Вы и говорите, как воры...

Шкиза сел на мостовой, растирая ушибленный лоб.

– Мы были ворами, но теперь мы перестали ими быть, – пояснил Мартин.

– Как это?

– Решили начать жизнь честных людей.

– Решили сделаться лохами, – перевел на язык воров Рони.

– Разве так бывает? – поразился Шкиза.

– Ну, как видишь, – пожал плечами Мартин. – Мы ботаем

на воровской фене, но мы ни при делах.

– Не при делах, – повторил Шкиза.

– Всего хорошего, приятель, – сказал Мартин. – И поторопись, колокольчики городской стражи все ближе.

И действительно – напуганные прохожие уже сообщили стражникам, и теперь те бежали к месту драки, изумляя округу звоном колокольчиков на шлемах – так было заведено королевскими прокурорами много лет назад.

10

К высокому забору, за которым находился дом рыбного короля Овцера, Мартин с Рони пришли за четверть часа до второй стражи. Стукнув в ворота, Мартин подождал, когда в кованом окошке появится охранник, и сказал:

– Двое – к господину Овцеру.

– Старый и малый? – уточнил охранник, пережевывая бутерброд с вареным горохом.

– Так точно.

– Есть такое дело, но чуть позже – ждите пока.

– Ждем, – кивнул Мартин и отошел, но вдруг окошко снова открылось, и охранник прямо весь высунулся наружу.

– Вы там на забор-то не особенно ссыте! Отойдите, вон, к оврагу!..

– Да мы и не думали.

– Все вы не думаете, а забор – зассан, выйти невозможно!

Пришлось ждать, наблюдая, как при солнечном дне голубые бабочки носятся над заросшим сорняками пустырем.

Покупая землю, Овцер постарался сделать так, чтобы все в округе принадлежало только ему. Иначе какая же тут безопасность, если соседом мог стать кто угодно?

– Развернулся дядя, – заметил Рони, усаживаясь на траву, где было поменьше пыли.

– Да уж, деньжищ у него немерено. Одного флоту рыбно-

го – на два квартала причалы с фелюгами, а еще шаланды.

– Все деревни, считай, на него работают: солят, сушат, чистят, требуху варят.

– А требуху на что? – удивился Мартин.

– Так на клей и скотину кормить. Свиньи рыбную требуху обожают, правда, говорят, потом мясо рыбой отдает.

– У моря все рыбой воняет, – махнул рукой Мартин и вздохнул, снова посматривая на строгие башни похожего на крепость дома.

– Как думаешь, колотушки у нас отберут? – спросил Рони.

– Ясное дело. На то и охрана.

Пробил колокол второй стражи. Тотчас открылись малые воротца, и на дорогу вышел охранник.

– Ну и чего стоите? Приглашения ждете? – спросил он, поправляя жестяной шлем на войлочной основе, больше подходящий для форсу, чем для настоящего боя.

Мартин с Рони прошли в ворота и оказались на большом, просторном дворе, лишенном всяких насаждений.

– Прямо идите, там вас направят, – сказал охранник на воротах и запер засов.

Визитеры пошли по мощеной дорожке, осторожно осматриваясь и на глаз измеряя владения рыбного короля.

За забором, как и снаружи, все просматривалось из башен дома, и скрыться от засевших там арбалетчиков было негде. Похоже, у хозяина были основания бояться нападения, причем было заметно, что башни появились значительно позже

самого дома – камень, из которого они были сложены, выглядел новее.

Помимо башен, следы переделки были заметны и на самом доме – некоторые из окон первого этажа были заложены.

На дорожку вышел старший охранник с нашивкой вроде сержантской, и с ним еще двое. Оружие из ножен они не доставали, но смотрели на визитеров довольно неприязненно.

– Ножи имеются? – спросил старший охранник.

– Только у меня, – сказал Рони.

– Давай сюда, пусть у нас побудет.

Старший принял у Рони нож и передал одному из своих.

– И колотушки тоже снимайте.

Гости выполнили это требование, передав колотушки старшему. Тот взвесил их на руке и покачал головой:

– Оружие-то у вас разбойническое.

– Так с мечами по городу нельзя, – заметил Мартин.

– Носите кортики, коли опасаетесь. Кортик двенадцать дюймов вполне себе достаточное оружие.

– Спасибо за совет, мы подумаем.

– Пожалуйста. Теперь снова идите прямо. Там вас лакей у двери примет.

Хозяин дома принял гостей во внутреннем дворе, где хватало и света, и зелени. Именно сюда он выходил послушать пение птиц и шорох листвы. Здесь он гулял меж деревьев, не боясь, что где-то притаилась опасность.

– Ну, присаживайтесь! – сказал Овцер, указывая широкой ладонью на приставленные к столу стулья.

Сам стол располагался на мраморной площадке, и гостям пришлось подняться на пару ступеней.

Они слегка замешкались, стараясь не толкаться и не сбросить угощения, которыми был заставлен стол.

– Да вы не бойтесь, он крепко привинчен к полу, его и ядром не сшибешь, – приободрил гостей Овцер и улыбнулся. – Я пару раз опрокидывал его случайно, потом приказал привинтить.

– Да уж, господин Овцер, у вас фигура вполне кузнецкая, прошу прощения, – заметил Мартин, чтобы завязать разговор.

Овцер засмеялся, ему понравилось такое сравнение.

– Такая статья у меня, конечно, от рождения, но когда был молод, работал пильщиком у одного купца-строителя. Два года плотно тягал вверх-вниз. Здоров стал неимоверно, но, не поверите, – досыта никогда не ел, вся каша в работу уходила, и хотелось не то что котелок подмести, а и вместо всей

артели нажраться.

Тут уже заулыбался Рони. Ему польстило, что такой богатый человек, одетый в расшитые золотом сапоги и богатый шелковый халат, так запросто с ними разговаривал.

– Зена говорила, что вы воры...

– Бывшие воры, господин Овцер, – сказал Мартин.

– А разве может вор стать бывшим? – усмехнулся Овцер, разламывая гранат. – Я таких не встречал.

– Теперь мы перед вами.

– Да, теперь вы передо мной, – со странной интонацией произнес Овцер и впился в половинку граната крепкими зубами. Красный сок брызнул по сторонам, словно кровь. Овцер взял белоснежную салфетку и промокнул попавшие на халат капли. Потом вытер губы, посмотрел на одного гостя, потом на другого.

– Угощайтесь, а то мне одному неловко завтракать. Вот орехи заморские, халва. Какой вы пьете отвар? Или, может, желаете чего подороже? У меня получите что угодно.

– Малиновый будет в самый раз, – сказал Мартин.

– Из ягод или цветков?

– А разве из цветков бывают? – удивился Рони.

– Бывают, еще как бывают, – кивнул Овцер.

Он не сделал никаких распоряжений, но через полминуты перед гостями были поставлены два кувшина с узкими горлышками, а еще дополнительный поднос с чашками, заварными конфетами и тремя сортами лукама.

Гости взялись за угощение, разливая по чашкам отвары и пробуя орехи и лукум. Овцер выдержал паузу, давая им отведать угощения, потом спросил:

– Давно живете в городе?

– Уже полгода как, – ответил Мартин, отдавая должное зеленым кубикам лукума.

– А до этого где промышляли?

– В Лиссабоне.

– О, Лиссабон, великая столица! – произнес Овцер, глядя куда-то поверх крыш.

– Вы можете переходить к делу, господин Овцер, – заметил Рони и стал торопливо запихивать в рот заварные конфеты. Он ждал, что их вот-вот выгонят взащей.

Мартин покосился на младшего партнера, однако от замечаний удержался.

– Хорошо, давайте по делу, – согласился Овцер и тяжело оперся на стол, отчего крякнула столешница и завибрировали ножки. – Что вам сказала Зена?

– Она сказала, что у вас что-то увели, и вы хотели бы это вернуть, – сказал Мартин, давно ожидавший этого вопроса.

– И все?

– А что еще?

– Ничего.

Мартин с Рони переглянулись. Заказчик их прошупывал, задавая малопонятные вопросы.

– Оружие-то у вас было разбойническое, – ни с того ни с

сего заметил Овцер.

– Какое было, господин хороший, нам другого совсем не положено, – парировал Мартин, переходя к красным кубикам лукума.

– Это да. Ну и как вы с ним ладите – хорошо?

– Никто еще не жаловался, – сказал Рони, и Мартин мысленно его похвалил.

– Ну, хорошо, допустим, мне нужно сделать одну работу. Но потянете ли вы ее? По виду хлипкие – пристарок да мальчишка. Не больно вы страшные, вот что я вам скажу.

– А вы, господин хороший, кого ждали? – спросил Мартин.

– Я не знаю, – признался Овцер и вздохнул. – Мои люди уже неделю трясут всех и вся, но никаких хвостов от похитителей найти не могут. Думал, Зена подкинет каких-то удивительных пройдох, но вы – точно не они.

– Ну, так мы пойдем? – спросил Мартин, приподнимаясь.

– Идите, что уж там, – махнул рукой Овцер. – Можете орехов по карманам набить – не возражаю.

Рони тотчас стал нагружаться угощениями, а Мартин чуть скривился и сказал:

– За такое пустое беспокойство вора́м положено оплату давать...

– Чего? – не понял Овцер. Ему показалось, что он ослышался, ну не мог кто-то вот так просто ему надерзнуть.

– А того. Звали по делу, дело свернули, значит, следует

отстегнуть.

Видно было, как полыхнули гневом глаза Овцера, однако он взял себя в руки, в конце концов, он действительно повел себя малодушно – искал в этой встрече хоть какого-то успокоения, поддержки.

– Хорошо, я с тобой согласен, бывший вор Мартин, – произнес Овцер, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

Тотчас к столу подошел лакей, держа на подносе шкатулку с монетами. Овцер выбрал серебряный джоун – монету в три терции – и бросил Мартину, а тот его поймал, повертел, словно проверяя, настоящий ли, и, взглянув на Овцера, сказал:

– А может, на золото расщедришься, хозяин?

– Золото?! – переспросил Овцер и нервно расхохотался. Он едва сдерживался, чтобы не приказать своим людям измордовать этого наглеца. – А не жирно ли будет?

– Давай так – если сомну монету пальцами, то не жирно.

– Ломай! – крикнул Овцер и бросил Мартину золотой ливр – монету в пять терций. Тот ловко подхватил его, глядя в глаза Овцера, тремя пальцами смял пополам и бросил на стол – к чашкам и графинам.

Овцер встал, взял смятую монету, ощупал ее и, убедившись, что не обман, спросил:

– А где же ты такому научился?

– В Угле.

– В Угле? Я про это место много слыхивал. И сколько же

ты там учился?

– Двадцать лет.

– Двадцать лет, – повторил Овцер и, как замороженный, принялся снова ощупывать смятый ливр. – Присядьте, господа, давайте поговорим еще.

После демонстрации Мартином своих возможностей разговор пошел легче. Овцер понял, что имеет дело с людьми, которые не такие, какими кажутся, и это было хорошо для дела, где Овцер намеревался их использовать.

Похоже, Зена знала, что посоветовать, и ничуть не растеряла былой смекалки.

Попив отвару, компания переместилась в покои, где Овцер чувствовал себя более защищенным, ведь внутренний дворик был открыт сверху.

Да, там можно было не бояться отравленной стрелы или умело пущенного арбалетного болта, однако на открытом воздухе имелись и другие угрозы, о чем Овцер узнал всего несколько месяцев назад. Теперь среди стоявших по углам лакеев за ним приглядывал выписанный из-за моря лекарь, обходившийся Овцеру в двадцать золотых терций в месяц.

Он неслышно перемещался от угла к углу, вместе с остальной обслугой переходил от колонны к колонне и, когда замечал в поведении Овцера странное, подходил ближе и говорил:

– Ваша милость, пора принять лекарство.

И Овцер соглашался. Морщась, он принимал с ложки мерзкий тягучий настой и какое-то время после этого смотрел в точку, чтобы прийти в себя. Вот и теперь – прямо при

гостях ему пришлось отойти в сторону и принять заморское зелье, которое не давало ему потерять человеческий облик.

После приема лекарства Овцер вернулся к гостям как ни в чем не бывало, и те тоже сделали вид, что ничего не заметили.

Теперь перед ними стол ломился от угощений, а вместо куцых садовых стульчиков они располагались в дубовых обеденных креслах, которые Овцер, большой любитель древностей, выкупил за безумные деньги у какого-то обедневшего дворянского рода.

Обедали гости в некоем подобии охотничьего зала, на стенах которого висели головы охотничьих трофеев: кабанов, лосей и оленей. Почти рядом со столом на гостей хищно скалились чучела льва, медведя, тигра и двух леопардов. А в самом дальнем углу стоял еще один трофей, однако он был прикрыт двумя накидками – золотистой внизу и темно-синей снаружи.

– Как хорошо охранялась ваша казна, господин Овцер? – спросил Мартин.

– Я держу свое золото в башне, чтобы невозможно было сделать подкоп.

Мартин кивнул.

– В ней всего несколько узких окошек, в которые не пролезет даже ребенок, но каким-то образом воры сумели пробраться и украсть эти важные для меня сокровища.

– А что там хранилось?

Овцер вздохнул. Было видно, что он борется с собой, с одной стороны, стараясь не болтать лишнего, а с другой – нуждаясь в помощи. Он извел немало денег на поиски похитителей, но его усилия не дали результатов.

– Там было золото, много золота. Но воры побрезговали моими сундуками и взяли только шкатулку с золотой пантомимой...

– Золотая пантомима? – переспросил Мартин.

– Вот именно. Я добыл ее в землях Рефронга, владельца болотных земель и соседа Нордика – короля веспов.

– Места больно стремные, – вырвалось у Рони.

– Это да, по нынешним временам я бы туда и не сунулся, но когда был моложе – хотелось славы и денег.

– А деньги можно было поднять рыбой, – добавил Мартин.

– Вот именно! А тогда думалось, что богатство обретается подвигами крайней отчаянности, – сказал Овцер. – Дурак был, что теперь скажешь?

– Что это была за пантомима и в чем ее ценность? – напомнил Рони.

– Пантомима представляет собой обряд. Там восемь фигур, и каждая из них движется согласно лунному календарю.

– Что значит движется? – уточнил Мартин, выуживая из вазочки засахаренный персик.

– Движется, значит – движется. Это можно увидеть. Жрица с букетом лилий, лодочник Инпа, двое пришедших на бе-

рег пастухов... – начал перечислять Овцер.

– Лунный календарь длинный, целых тридцать суток. Должно быть, они движутся очень медленно, – снова вмешался Рони, и Мартин удивился познаниям своего молодого коллеги – прежде тот не проявлял знаний, не касавшихся воровского ремесла.

– Да, лунный календарь длинный, – согласился Овцер. – Но и эта золотая пантомима в двадцать раз меньше, а значит, и время в ней бежит быстрее, так что мы можем видеть... могли видеть, как двигались все эти фигуры.

– Пантомима как-то заводилась? – спросил Мартин, скромно глодая гусиную ногу.

– Заводилась? – переспросил Овцер. – Нет! Совсем не заводилась!.. Она играла дюжину раз подряд, затем ее следовало выставить на три ночи под звездное небо, и она снова обретала силу и начинала играть.

– А где же вам довелось получить это чудо, господин Овцер?

– Вопреки слухам, я честно выкупил шкатулку в Роелли, это такой район в городе Змеебаде.

– Вы добирались до Змеебада? – удивился Мартин, который только слышал об этих землях и имел о них весьма поверхностное представление.

– О, да, когда я стал увлекаться охотой, мне стали интересны трофеи далеких земель, и я начал путешествовать.

– И как там было?

– Там было по-разному, – пожал плечами Овцер, и было видно, что ему неприятна эта тема.

Беседа ни о чем длилась еще четверть часа, затем Рони взглянул на Мартина – они встретились взглядами, и старший партнер опустил глаза в тарелку, дескать – начинай.

– Господин Овцер, а нет у вас других пропаж?

– Нет, других нет, только эта шкатулка.

– А сколько она весила? – спросил Мартин.

– Пять-шесть фунтов, я полагаю. Мне не приходило в голову ее взвешивать.

– Значит, воры могли прихватить еще монет триста, если это был один человек, а если не один, то еще больше.

– Могли. Но им помешали сторожа, они честно дрались и все погибли.

– Сколько их было?

– Семеро.

– И что, там были следы драки?

– Ну... Мне приходилось видеть следы драк и настоящих побоищ, но их убили быстро, они едва успели обнажить оружие.

– А эта шкатулка не была паленой, господин Овцер? – спросил Рони.

– Раньше я так не думал, но теперь уже сомневаюсь. Я-то ее купил, а вот откуда взял ее прежний хозяин...

– А кто он был, какого роду-племени? – уточнил Мартин.

– Вы что, уже начали работать? – спросил Овцер, поглядывая то на Мартина, то на Рони.

– Получается, что так, – развел руками Мартин. – Само как-то сложилось.

– Что сложилось – это хорошо, – кивнул Овцер. – Я люблю, когда само складывается, такое дело обязательно пойдет на лад. Вот только маловато вас. Полагаю, вы хороши в своем деле и, наверное, неплохо деретесь дубинками, но...

– Вас, господин Овцер, смущает, что против тех, кто легко положил семерых сторожей, мы не потянем?

– Да, господа бывшие воры, при всем к вам уважении.

Мартин с Рони снова переглянулись, и старший партнер сказал:

– Мы вдвоем – это еще не вся команда.

– Правда? И сколько же вас всего?..

– Есть еще двое.

– Всего-то?

– Господин Овцер, вы же видели номер с золотым ливром.

– Ну да. Вы хотите сказать, что...

– Да, эти тоже могут удивить кого угодно. Если желаете, мы можем познакомить вас с ними, вот только... – Мартин потер подбородок.

– Что?

– Тут они будут слишком заметны. Вот если бы провести встречу в другом месте...

– В другом месте? – переспросил Овцер и вздохнул. Вне-

запно черты его заострились, и даже, как показалось Мартину, изменился цвет глаз с карих на желтовато-водянистые.

Из-за колонны тотчас появился слуга в темном балахоне, и Овцер, словно влекомый непреодолимой силой, поднялся, будто не на своих ногах, сделал несколько шагов к слуге и снова принял лекарство. Постоял спиной к гостям с полминуты, потом повернулся и, виновато улыбнувшись, вернулся на место.

– Неприятная хворь... Должно, продуло где-то на пристани. Дел-то у меня много, приходится успевать повсюду.

– Вы не выходили отсюда уже две недели, господин Овцер. С того самого времени, как у вас украли шкатулку, – с безжалостной интонацией произнес Мартин.

– Ты лезешь не в свое дело, парень, – так же нелюбезно ответил Овцер.

– Я лезу в дело, которое мне придется делать, и я хочу знать об этом все, ведь риск тут не шуточный. И дело не в шайке грабителей, которые налетели, побили охрану и унесли шкатулку. Тут есть что-то куда более опасное.

– Если я скажу – вы точно откажетесь, – грустно усмехнулся Овцер, и Мартин заметил, что рубашка и шелковый халат хозяина дома пропитаны потом.

– Не факт, – покачал головой Рони, пристально глядя на Овцера.

– Тут колдовство.

– И потому вы болеете? – спросил Мартин.

Овцер кивнул.

– Три месяца назад они прислали мне предупреждение, чтобы отдал шкатулку с пантомимой.

– Кто они?

– Их называют прицепами. Это такое племя или секта, я даже толком не понял. Мы столкнулись в Змеебаде, о котором вы слышали. Я подкупил местного проводника, чтобы он устроил настоящую запрещенную охоту.

– Что значит запрещенную?

– Идемте... – сказал Овцер, поднимаясь, и зашагал через охотничий зал в дальний его угол, где, накрытый двумя покрывалами, стоял один из трофеев.

Овцер сам, не подзывая лакеев, сдернул покрывала, отбросив их в сторону, и гостям предстал серебристый единорог – вернее, его чучело, но выглядел он как живой. Даже глаза, не в пример остальным трофеям, были закрыты.

– Он как будто спит, – обронил Овцер и вздохнул.

– И это вы убили его? – спросил Мартин, замороженно глядя на короткую серебристую шерсть единорога, по которой пробежали искорки от попадавшего на нее света.

– Я... я не хочу об этом вспоминать, тогда на меня нашло какое-то... помутнение, что ли. Сначала я хотел добыть этого зверя, но когда увидел их, пасущихся на лугу, то понял, что не хочу стрелять в такую красоту.

– Но все же стрельнули? – не выдержал паузы Рони.

– Я же говорю, это было как наваждение. Мой проводник

закричал, они стали убегать, и мы помчались к нашим лошадям, которые стояли неподалеку в овраге. Я просто преследовал дичь, как собака, слышавшая охотничий горн. Мы прыгнули в седла и понеслись следом, сократив путь на дистанцию верного выстрела. Пара единорогов выскочила на нас уже сильно напуганная, за ними гнался кто-то еще. Я видел, как между кустов мелькали тени, трещали ветки, и мне показалось, что это другие охотники, которые хотят отнять мою добычу. И тогда я выстрелил – удивительно метко для таких условий. Единорог рухнул сразу, а второй перемахнул через канаву и прорвался в тот самый овраг, откуда мы выскочили. Хочется думать, что хоть ему удалось спастись.

– И что потом?

– Мой проводник протрубил в рог, и через четверть часа к нам подъехали шестеро помощников с тяжеловозом, запряженным в волокуши. Трофей погрузили и повезли, а все травы, цветы и кустарники вокруг – вы не поверите, поникли до самой земли.

– Ну, а эти самые – прицепы – когда к вам прицепились?

– Я же говорил – в Змеебаде, в самом городе.

В этом месте Овцер прервал рассказ, поднял с пола покрывала и заботливо прикрыл единорога. Потом направился к столу, и гости вернулись тоже. Они расселись и выпили разбавленного медовой водой вина.

– Пока в местной мастерской единорога превращали в трофей для охотничьего зала, я прибыл в Змеебад на большом трехмачтовом судне одного знакомого – богатого торговца разными драгоценными безделушками. У него свои магазины в столице и даже в Ингландии, он поставляет украшения и талисманы очень высоким персонам по обе стороны границы. Они постоянно требуют все более редкие и необычные игрушки, и он снарядил этот корабль, взяв с меня обещание, что я за это обойду все местные лавочки и привезу ему полное описание того, что там имеется.

– Снарядить трехмачтовый корабль стоит немалых денег, – заметил Мартин.

– Вот именно, но его доходы позволяли ему. К тому же из казны были выделены пятьдесят десантных пехотинцев со всем вооружением. Но они негодились и оставались на борту.

– Именно так вы и вышли на эту коробочку, господин Овцер?

– Да, после охоты на единорога. Продолжать это развлече-

ние уже не хотелось, поэтому я попросил показать мне Змеебад. Со мной отправились двое слуг, и я увидел в городе много занимательного. Интересно то, что если идти вокруг центра, то нельзя прийти в то же место, с которого ушел. Город построен по спирали, некоторые улочки глухие, а какие-то разделяются на два-три, а то и четыре яруса. В галереях совсем нет света, даже свечи не горят, и там живут какие-то страшноватые личности, я различал только их силуэты. Но мои проводники не пугались, хотя в темных коридорах воняло болотным газом и лягушками. На все мои расспросы проводники отвечали, что это морлинги и в городе они никого не трогают.

– А мы слышали, что в тех городах и другие странные народы проживают, – осторожно добавил Рони.

– Да, мне приходилось видеть даже глостеров, но они ходят в просторных хламидах, и местные их сторонятся. Этих чудищ можно повстречать на местном рынке, где они торгуют невесть чем. Я долго ходил по нему, пока нашел продукты, к которым мы привыкли. Все остальные – сушеные лягушки, тритоны, какие-то корни, безглазые рыбы из соленых пещер. Всего не описать. А потом мы вышли к лавочке с амулетами, которой владела красивая женщина лет тридцати. Вся такая в бусах, а волосы заплетены в тонкие косички вперемешку с разноцветными ленточками.

– Очень красивая? – не удержался молодой Рони.

– Да, но, на наш взгляд, слишком холодна. Здешние жен-

щины всегда отмечают мужчину взглядом, а этой было все равно, кто к ней зашел. Кругом была всякая всячина: камешки, цепочки, мешочки и склянки. Мои наемные слуги заску-чали, а хозяйка взглянула на меня и спрашивает:

– Издалека к нам приехали?

– Издалека, – говорю.

А она:

– Вижу в ваших глазах особый интерес, да и денежки у вас водятся.

И я прямо ощутил, будто у меня кто-то по карманам шарит, даже рукой проверил – на месте ли кошелек с золотом, у меня две сотни терций было как раз для таких покупок. Она засмеялась, присела за прилавок и вытащила сверток в старой коже, перевязанный какими-то жилами. Развернула, а там эта красота: шкатулка со стенками наборными – четыре сорта дерева, инкрустация, резьба. И видно, что работа очень старая.

– Ух ты! – выдохнул Рони, увлеченно слушая Овцера.

– Да, – кивнул тот и рукавом вытер раскрасневшееся от волнения лицо. Из-за колонны выглянул лекарь, но сейчас же скрылся обратно.

– И вот она открыла шкатулку, и все эти фигурки пришли в движение. Я видел много искусных механизмов, но здесь в пантомиме герои двигались удивительно натурально, как живые. Честно говоря, засомневался, что денег хватит, ведь это было золото, да еще древнее, подумал, что придется по-

сылать за деньгами на корабль, но она уступила шкатулку за полсотни золотых терций, при том, что золото в шкатулке весило значительно больше этих монет. Но я не стал вести никаких разговоров, отсчитал положенное и был таков. Только спросил перед этим, как заводить механизм, и торговка сказала про звездные ночи. Это было странное пояснение, но там все выглядело настолько призрачно и непонятно для нашеньского человека, что пришлось в это поверить. Позже я испытал этот способ, и он действительно работал.

– О, как! – снова не выдержал Рони и, покачав головой, смахнул со лба пот. – Жарковато здесь.

– Это от вина с медом. Мне велено пить его много, чтобы хворь не скапливалась, а выходила с жаром и потом. Но и вам тоже пить можно – оно полезно от всяких болезней.

Мартин взял кувшин и налил всем троим. Они снова выпили, не спеша, глоток за глотком.

Снова пришли двое лакеев и, убрав одни блюда, поставили другие – снова какие-то легкие сладости, фрукты, орехи с черносливом.

– Принесите гостям какого-нибудь мяса, – сказал Овцер, понимая, что сидят они давно и все с тарелок уже подчистили.

Лакеи убежали на кухню, а Овцер посмотрел на гостей и сказал:

– Мне мясо лекари есть запретили, оно ухудшает самочувствие. И это мучительный запрет, ведь раньше я был отъявленным мясоедом. Обожал с кровью и дымком – прямо с огня, огромные такие куски...

Овцер вздохнул и грустно улыбнулся. Теперь он не выглядел таким властным и суровым, каким казался вначале.

Через пару минут лакеи вернулись, доставив большую тарелку с нарезками колбас, копченого мяса и говяжьего языка. К мясу поставили прибор с тремя соусницами и длинные серебряные вилки, а еще плетеную хлебницу, в которой, прикрытый льняной салфеткой, лежал порезанный теплый хлеб.

– Просто цепляйте мясо на вилки и макайте в соус. Раньше я так и делал.

Гости стали есть с заметным удовольствием, и Овцер по-

чувствовал себя настоящим радушным хозяином. Это были давно забытые ощущения, слишком давно он сидел здесь в осаде.

– Продолжайте, господин Овцер, мы слушаем вас, – сказал Мартин. Он понимал, что эта история не только дает им с Рони полезную информацию, но и каким-то образом лечит Овцера, приносит ему облегчение.

– Ну, я пять с лишним лет не получал вестей из тех мест. И вот полтора года назад в мой городской дом, тот, что стоит в самом центре города... Теперь-то он пустует. Так вот... туда пришел какой-то субъект – по виду нищий, и охранники прогнали его, но он вернулся и потребовал встречи. Сказал, что принес мне вести из Змеебада. Разумеется, я захотел увидеть этого бродягу, хотя о змеебадском путешествии остались неприятные воспоминания, которые я старался не тревожить. И вот он пришел. Я принял его внизу в каминном зале. Он имел отталкивающий вид этакого доходяги, давно не мытого и толком не кормленного. Однако голос его был звонок, а глаза смотрели твердо, и сложилось впечатление, что его внешний вид только искусная маскировка.

– И чего же он хотел? – спросил Рони.

– Он сказал, что я увез из Змеебада вещи, которые мне не принадлежат, и теперь их нужно вернуть.

– Он требовал шкатулку?

– Шкатулку и единорога.

– Единорога? А это почему?

– Вот и я удивился, я сказал, что в болотах Рефронга полно единорогов, почему нужен именно этот? А он ответил – этот особый, жертвенный. Мы, говорит, следили за ними десятки лет, чтобы удостовериться, что это именно тот единорог, высчитывали его по звездам, а ты его украл. Я возразил, что он уже не живой, какой с него толк. А бродяга ответил – это для тебя он не живой.

– А ваши охранники, они находились рядом? – уточнил Мартин.

– О да, они стояли по обе стороны бродяги, чтобы исключить любые его поползновения. Но уже после я подумал, что если бы он что-то захотел сделать – они бы его не удержали.

– Однако, – покачал головой Рони и снова принялся за говяжий язык.

– Так вот... он потребовал – именно потребовал – вернуть шкатулку и единорога, на что я заметил ему, что шкатулку честно купил. Тогда он вынул кошель с золотом и сказал, что вернет мне пятьдесят терций. В общем, я отказал ему и велел выпроводить вон, но не бить. И он дал себя увести. Но на этом все не закончилось, и через неделю нам под дверь подбросили какую-то дохлятину и кусок кожи с травленными кислотой буквами. Там сообщалось, что все, кто нанимался к нам в Змеебаде, убиты, что шкатулка принадлежит каким-то прицепам. Они дают короткий срок, чтобы я им все вернул и сообщил это через какого-то там торговца. Мои молодцы его навестили, изрядно помяли, но он ничего не

знал и согласился быть посредником за плату.

– Стало быть, хорошо маскировались, – заметил Рони.

– Да, хорошо. Прошел срок, и когда я ехал в порт по делам с хорошей охраной в закрытой бричке, в стенку вонзился дротик, который прошел мимо меня в трех дюймах. На улицах в тот день была сутолока – базарный день, поэтому никого поймать не удалось. Пришлось переехать в этот дом, да еще построить стену. Коляску тоже укрепили изнутри кованой сталью, поставили большие рессоры под такую тяжесть. Вместо шести человек со мной стали ездить десять. Потом одного подстрелили из арбалета. Еще один болт ударил в коляску, но на этот раз сталь выдержала.

– То есть взялись крепко, – сказал Мартин.

– Вот именно. И вот, когда я уже стал привыкаться жить в такой обстановке, начал посылать по значным местам соглядатаев, чтобы, может, узнать кое-чего про своих врагов, пришла очередная депеша – прикололи прямо к воротам. Там говорилось, что через столько-то дней случится наказание.

– И оно случилось? – тихо промолвил Рони, которого очень взволновал рассказ рыбного короля.

– Да. Прямо в закрытом дворе меня как будто что-то ударило в спину. Очнулся уже в покоях – слуги принесли. Вроде все нормально, никаких следов на теле, но на другой день стали отниматься ноги. Пришлось вызвать лекаря, сначала здешнего, из города, но тот чего-то испугался и отказался

лечить, но посоветовал хорошего заморского, который как раз был в столице. Его доставили сюда, и он стал меня выхаживать. Огромное ему спасибо, лекарства хоть и противные, но толк от них есть.

– Так это он за вами из-за колонны приглядывает? – уточнил Рони.

– Нет, это уже второй, а того убили спустя две недели. Ударили прямо через купол в другом крыле дома.

– А чем ударили?

– Ударили стрелой, которую с огромной высоты сбросила горгулья.

– Горгулья? – удивился Мартин. – Разве здесь водятся горгульи?

– Не водятся, но маги Змеебада накачивают их такой силой, что они могут долететь сюда и совершить какое-то злодеяние, а потом вспыхивают факелом и сгорают. До земли долетает лишь пепел.

– А откуда вы это знаете, господин Овцер? – спросил Рони, который продолжал механически пережевывать угощения, хотя уже был сыт.

– Первый травник, который прослужил так недолго, рассказал мне. Это он разобрался, что колдовством по мне ударила именно горгулья. Травник сказал, что она сбросила свиток, и когда он раскрылся на ветру, заклятие сработало.

– Вот дела-то, – произнес Рони и повел плечами. – А как же они травника-то вашего под крышей разглядели?

– Он был с ними знаком и несколько лет назад бежал из тамошних мест. Сам-то он был с индийского острова, а в Змеебаде изучал медицинскую магию. Ну и где-то там с прицепами пересекся. Потом сбежал, но они его хорошо запомнили и создали его бонам – это как будто лицо. И по нему горгулья и сбросила молот.

– Молот? Вы говорили – стрелу.

– По виду это была стрела трех футов и полудюймом толщиной, но маги называют такую стрелу молотом.

– А про стрелу и молот травник сказал вам перед смертью? – уточнил Мартин.

– Нет, он ничего не успел сказать. Это рассказал второй травник.

– Хорошие у вас травники, знающие. А почему бы вам не отдать этого единорога, тем более что шкатулки у вас уже нет?

– Они на этом не остановятся, они заберут и меня тоже. Это битва насмерть.

– А мы что должны сделать?

– Для начала – вернуть пантомиму. Она для них очень много значит, а та торговка, что продала ее мне так дешево, была из враждебного прицепам морлингского ордена болатонов.

– Вы же говорили, она красивая, а морлинги совсем не того... – напомнил Рони.

– У себя в Змеебаде они владеют искусством перевопло-

щения. Морлинги ордена похитили шкатулку, но использовать ее не могли, спрятать тоже не имели возможности – прицепы их все равно бы нашли. Вот и отдали ее путешественнику из дальних краев и тем самым ввергли меня во все эти злоключенья.

Овцер вздохнул и выпил немного вина.

– Так это полная подстава, – подвел итог Рони.

– Именно так это и называется, – согласился Овцер. – Мне много приходилось схватываться с конкурентами, меж нами были настоящие войны. Случалось драться против разбойников, обороняя обозы с рыбой и солью, но только сейчас я чувствую свою полную неспособность противостоять врагу.

– Это потому, что они нападают, а вы – обороняетесь, – сказал Мартин.

– Вот именно. И чтобы мне начать на них наступление, нужно найти их логово. Для начала хотя бы временное. Ведь должны же они где-то обретаться в наших землях?

– Должны, – согласился Мартин. – Наверное, с этого мы и начнем.

– Да, – кивнул Овцер и поднялся. Гости поднялись тоже.

– Теперь мы знаем достаточно, чтобы начать готовиться, господин Овцер.

– Да, конечно.

Овцер сделал знак одному из слуг, стоявшему в дальнем углу, и тот подбежал с денежной шкатулкой.

Овцер открыл ее, взял большой кошелек и грюкнул им об

стол.

– Вот вам на подготовку пятьдесят терций серебром. Если ничего не выйдет – можете не возвращать.

– Отчего же так? – удивился Мартин, забирая деньги.

– Потому, что задачка не из легких.

– Но мы возьмемся за это дело.

– Что ж, прекрасно, – улыбнулся Овцер, уверенный настрой Мартина его порадовал. – Сколько времени вам нужно на подготовку?

– Думаю, уложимся за неделю. Нужно смотаться к товарищам, купить припасы, то да се.

– Да, и о жалованье. Как соберетесь, получите сто золотых в дорогу, а вернетесь с пантомимой – по пять сотен на каждого бойца.

– Хорошее начало, господин Овцер, – сказал Мартин.

– Тогда до скорого. Передавайте привет Зене.

– Непременно.

Зена встретила хозяев спокойно, сразу расспрашивать не стала, но по виду поняла, что какое-то взаимопонимание с Овцером у них наладилось.

– Кушать будете? – спросил она.

– Не, дай лучше горячего отвара, а то меня после медового вина сушит, – попросил Рони.

– Я тоже выпью, – поддержал его Мартин, а когда Зена принесла кувшин с отваром, поставил перед ней на стол пять серебряных монет столбиком.

– Чего это? – спросила Зена, сразу убирая деньги.

– Тебе жалованье. Мы уедем ненадолго – товарищей своих навестим.

– Хорошо, значит, сговорились, – кивнула Зена, наливая отвар.

– В общем – да.

– Но дело нелегкое! – добавил Рони, однако, наткнувшись на строгий взгляд Мартина, примолк.

– Ясно, что нелегкое, – вздохнула Зена, садясь на свободный стул. – По нему видно было, что не пустяк. Лошадей покупать будете?

– Не, мы к мулам привычные, – сказал Рони.

– Тогда у Хромого берите, который в конце улицы живет. Он недорого отдаст – был у него извоз, да что-то не сложи-

лось, вот двое мулов у него и жрут ни про что. Сам жаловался. Я смотрела – хорошие мулы, работой не измученные, ухоженные.

– Я схожу прямо сейчас, взгляну на них, – сказал Мартин.

– А я? – вскочил Рони.

– А ты собери нам на завтра одежду и харчи. Дубинки, ножи хорошие.

– Откуда я знаю, какие тебе вещи собрать?

– Пусть идет, а мы с тобой что-нибудь придумаем, – сказала Зена, и Мартин ушел, а часа через два вернулся, ведя за уздечки двух перекормленных серых мулов. Они прядали ушами и махали хвостами, отбиваясь от тучи мошек, которых притащили с прежнего места жительства.

Мулы были под седлами – дешевыми и дрянными, сшитыми из старых мешков, но далеко на них ехать никто не собирался, а для ближней дороги годились и такие.

Зато у них имелись стремяна, хотя и точенные из деревяшек.

Поверх седел лежали тридцатифунтовые мешки с кормом, которых, по расчетам Мартина, должно было хватить, чтобы съездить по делам и вернуться.

– Ух ты! – воскликнул Рони совсем по-детски и, выскочив из дома, побежал навстречу мулам. – Какие они круглые, Мартин! Это порода такая?

– Это они жрали в три горла и не работали две недели, вон я за ними еще и два мешка овса принес.

– Задорого достались? – спросила вышедшая на крыльцо Зена.

– По три серебра за каждого и одно серебро за оснастку с овсом отдал. Думаю, недорого.

– Недорого, – согласилась Зена. – Что возьмете, кроме дубинок?

– Ножи у нас длинные, вот и хватит.

– Да как же хватит? С ножом – рука короткая, такое в драке хорошо, а если на дороге лихие люди попадутся? Будешь дубинкой отбиваться?

– Рони ножи мечет, как молнии.

– Да, я на это мастак, – подтвердил младший партнер, подавая мулу на ладони сушеные яблоки.

– Баловство это. Вам гвоздейка нужна хоть какая.

– Гвоздейка? Слышь, Мартин, Зена-то по-нашему шлема-ет!.. – заметил Рони и засмеялся.

– Я шлемать научилась, когда ты еще не родился, – сказала та и, развернувшись, ушла в свой сарай.

– Чего это она, Мартин, обиделась?

– Не знаю.

– А как их зовут-то?

– Барандос и Жужа. Оба жеребцы.

– А кто из них кто?

– Да кто их разберет, вон они какие одинаковые. Будем звать, кто откликнется, тот так и будет прозван.

– Хорошая мысль. Эй, смотри-ка...

Рони кивнул на появившуюся Зену, которая шла обратно, держа в руках большой завернутый в мешковину сверток.

Подойдя к Рони и Мартину, Зена развязала веревки и развернула неизвестный предмет, который оказался арбалетом. Да не простым, а двуручным с вертикально расположенными стальными луками.

– Ух ты! Вот так гвоздейка! – поразился Рони, сразу забывая про мулов.

– Знатная машинка, – в свою очередь, заметил Мартин, глядя, как ловко Зена раскладывает оружие. – Твой?

– Был мой, теперь ваш будет.

– Это охотничий? – спросил Рони.

– Нет, кавалерийский. Для офицера кавалерии.

– Почему для офицера?

– Потому что небольшой, хорошо скроенный и очень дорогой работы.

– Железа в нем много, солдатский погрубее выглядит, – согласился Мартин и, заметив вопросительный взгляд Зены, добавил: – Я когда вором промышлял, упер однажды такой у проезжих солдат. Потом сменял на шапку.

– Сам-то стреляешь?

– Нет, я больше дубинкой махать.

– Дай я стрельну, Зена! Я умею! – попросил Рони.

– Когда научился?

– Всегда умел. Мы банда на банду воевали, правда, гвоз-

дейки самодельные были. Но дюймовую доску с десяти шагов шаршили без разговоров – на пролет.

– Ну, давай посмотрим.

Зена резким движением взвела один лук, потом другой. Достала из магазинной сумки два четырехгранных жала и вложила в лотки, потом закрыла замком.

– Давай, покажи себя.

– А куда стрелять?

– А вон сучок на сарае.

– Белый?

– Белый.

– Так он же маленький, чуть больше монетки!..

– Сдаешь?

– Кто, я?! Я никогда не сдаю!.. Только первый выстрел не считовый – гвоздейка незнакомая!..

– Ладно, первый на пробу, – согласилась Зена.

Рони долго целился, прикладываясь и так и этак, и, наконец, выстрелил. Болт вошел на целый фут выше. Второй был послан с поправкой и не дотянул до метки всего дюйм.

– Для первого раза очень даже неплохо, хотя здесь всего-то пятнадцать шагов.

– А сама стрельнешь? – спросил Мартин, которого заинтриговали такие навыки Зены.

– Конечно, стрельну, к тому ж тут еще пять болтов осталось.

Зена снова взвела тугие луки, вложила два новых жала

и, вскинув арбалет, выстрелила дважды почти без задержки. Бум-бум, прозвучали удары, и болты вошли точно в сучок.

– Ай да Зена! – покачал головой Мартин. – Впору тебя с собой на службу брать!

– Да я бы с удовольствием, Мартин, но опасаясь.

– Чего же?

– Растратила я свой фарт, поэтому прибить могут при первой заварухе. Я лучше вам кашеварить буду да за домом следить.

– Ну, и то дело.

– Зена! А научишь меня так стрелять?!. – загорелся Рони, пораженный мастерством Зены.

– Сегодня постреляем – что получится, то получится. Но отойдем подальше.

– Далеко?

– Хорошо бы шагов на тридцать.

– А не далеко для малого арбалета?

– Далековато, конечно, зато всегда сможешь удивить злодея. Он-то не ждет, а ты – р-раз, и ссадишь его с коня.

Они засмеялись, и удивленные мулы затрясли головами.

– Ладно, отводи их подальше, за стенку курятника, – сказала Зена. – И воды им поставить не забудь, они много пьют.

– И еще гадят, – сострил Рони и сам засмеялся, а Зена только покачала головой и пошла в дом.

Утром, чуть свет, Зена разбудила обоих хозяев, и они вышли во двор, чтобы освежиться из бочки и по заведенному обычаю почистить зубы с мятной белой глиной. Эта странная и редкая в городе привычка стала для них такой необходимостью, что они просили Зену заготавливать им щеточки и глину в запас, чтобы вдруг не закончились.

Они давно не поднимались так рано и ежились от утренней свежести и холодного тумана, который медленно спускался по улицам пригорода в сторону моря.

Крыши соседних домов были едва заметны, а с улиц доносились стук копыт и крики животных, которых хозяева с утра выводили в предгорье пастись на дармовой траве.

В другую сторону – из деревень – по улицам ехали возы с продуктами на небольшой рынок, находившийся от дома всего в двух сотнях шагов. Странно было слышать все это бляение, мычание и скрипы колес, но не видеть ничего, что двигалось по улице мимо дома Мартина и Рони. Лишь когда они, отфыркиваясь, рысцой побежали к крыльцу, из молочного тумана вдруг показалась коровья морда, с удивлением посмотревшая вверх изгороди, но тотчас была окликнута строгим хозяином и снова погрузилась в туман.

В доме был накрыт стол для плотного завтрака, и пока Мартин с Рони закусывали горячими пирожками со смета-

ной и свежим укропом, Зена надела на мулов седла, приторочила мешки с вещами и продуктами, а потом подвела их к крыльцу.

– А я их только седлать собрался! – воскликнул Мартин, выходя на крыльцо и сыто отдуваясь.

– Ну, Зена! Ты нас удивляешь, – добавил Рони, надевая шапку. – А где арбалет?

– Вот тут, иди, покажу...

Рони спустился с крыльца, и Зена показала мешок, в который был вложен арбалет, – он был укрыт от посторонних глаз другим мешком с пожитками.

– Он не взведен?

– Нет, конечно. Так инструмент и испортить недолго.

– А как же в случае чего?

– А в случае чего – смотри... Левой рукой прижимаешь рожок лука и двумя пальцами правой дергаешь одну нитку, потом другую. Болты уже в канавках, так что после этого у тебя под рукой инструмент, готовый к работе.

Рони попробовал потянуть и покачал головой – тетива больно впивалась в пальцы.

– Вчера-то я тянул двумя руками и четырьмя пальцами. А вдруг не получится?

– Эх, парень, когда прижмет, ты про такой пустяк и думать забудешь!.. – заверил Рони Мартин и, взяв под уздцы своего мула, повел к воротам. Рони взял своего и пошел следом.

Зена проводила их до калитки, но выходить на улицу не

стала.

– Когда вас ждать? – спросила она.

– Нам нужно в двух местах показаться, думаю, дня в три уложимся.

Забравшись в седла, они помахали ей и смешались с потоком шагающих в тумане людей и животных.

– Куда намылились, соседи? – спросил вынырнувший из тумана плотник, живший через улицу. – Вижу, коньков себе откормленных прикупили!..

– Поедем за город работу искать, – сказал Мартин.

– Это дело правильное, а то вы, я вижу, что ни день – дурака валяете и на что живете – непонятно.

Мартин уже хотел отшить приставучего соседа, но его опередил Рони.

– Мы же кровельщики, по городу всегда на заказах.

– Да ладно, – не поверил плотник. – Я всех кровельщиков в городе наперечет знаю.

– Значит, не всех. А про тебя говорят – брагу мочой разбавляешь и в порту продаешь.

– Какую брагу! Я в этом порту уже полгода как не был!

– Люди зря говорить не станут, – поддел с другого бока Мартин.

– Эх, да вы...

Плотник сдернул шапку, махнул рукой и исчез в тумане.

Когда взошло солнце, туман быстро растаял, и дорогу стало видно до самого дальнего леса. Потом она поворачивала направо и вела в глубь материка, петляя меж холмов и ведя в долину, где стояла деревня, в которую направлялись Мартин и Рони.

Уже после часа езды верхом они спешили и пошли пешком, ведя мулов в поводу. Передвижение верхом требовало постепенного привыкания, это они знали хорошо, поэтому спешили до того, как стерли ягодицы.

Скоро начало припекать, и путники сняли шапки, а еще через час сделали привал и съели по пирожку с картошкой и луком, запив их холодным малиновым отваром.

– Хорошо здесь, – сказал Мартин, осматривая лесную полянку, на которой они остановились. – Вот тут бы и дом построить, а?

– Не, – покачал головой Рони. – Придут лихие люди и сожгут.

– Ну, это конечно, – вздохнул Мартин. – А откупаться всякий раз денег не напасешься. Но можно поставить сразу несколько домов и вооружиться.

– Тогда это будет еще одна деревня. Проще купить дом в готовой деревне, если так уж хочется.

Мартин подумал – а хотел бы он жить в деревне? Получа-

лось, что не очень. В деревне, чтобы прокормить себя, нужно заниматься работой, а у них только Зена умела обходиться с коровами, козами, курами, готовить творог и сыр, да еще огород сажать. Нет, без Зены им в деревню нельзя. И вообще, сколько помнил себя, Мартин всегда жил в городе. Вот только тюрьма, как ее посчитать? Можно ли сказать, что он сидел в городе или это была деревня?

Так и не придя ни к какому выводу, он поднялся, отряхнул со штанов крошки и сказал:

– Давай прибавим, скоро еще жарче станет, и мы тогда ноги сотрем с непривычки.

Они миновали лес по накатанной дороге и пошли среди холмов, местами поросших кустарником, а местами вытоптаных стадами коз и овец. Дул слабый ветер, принося запах разогретого известняка, а высоко в небе парил коршун, и Рони, едва увидев его первый раз, то и дело стал задирать голову.

– Про горгулью подумал? – спросил Мартин.

– Ну да. А ты не подумал?

– Им здесь делать нечего.

– До Овцера же долетали.

– Он у них враг, а про нас они еще не узнали. И потом – у тебя же есть арбалет.

Они посмеялись, и это разрядило обстановку.

Затем, подробно обсудив дорогу и усталость ног, снова сели в седла и поехали верхом, то и дело меняя положение

в седлах.

Проехав верхом еще два часа, путешественники миновали холмы и с облегчением стали спускаться в долину, где было прохладнее, дул свежий ветер, а вдоль небольшой реки, бежавшей по камням в сторону моря, росли высокие кипарисы и множество плодовых деревьев, правда, пора сбора урожая еще не настала, и поживиться здесь было нечем.

– За нами кто-то приглядывает, – сказал Рони.

– Из кустов возле речки?

– Ну да.

– Это могут быть дети. Сейчас жарко, вот и пришли искупаться.

– До деревни еще пару миль, слишком далеко ходят купаться.

– Тогда рыбак. Здесь у него рыболовные корзины, и он их ставит подальше, чтобы другие не увидели и не украли рыбу.

– Все, уже никто не наблюдает. Убежали, – сказал Рони.

– Сколько их было?

– Вроде двое.

Наконец за очередной рощицей показалось стадо коров, потом потянулась живая изгородь, за которой деревенские работали на своих участках. Дома стояли чуть в стороне – с высокими крышами и просторными чердаками, где были оборудованы сенники.

Мартин с Рони сошли на землю и двинулись пешими, с удовольствием разминая ноги. Дорога вдоль живой изгороди была мягкой от перетертой пыли, и идти по ней было приятно.

То тут, тот там попадался конский и коровий навоз, который местные собирали и складывали на обочину. Он годился в качестве топлива, поскольку леса в здешних местах было мало, а привозной уголь для деревенских был слишком дорог.

Едва гости зашли в деревню, как за ними увязалось полдюжины ребятишек и две собаки. Дети просто глазели на чужаков, а собаки лениво лаяли, но скоро отстали и, улегшись в тень, высунули языки. Было жарко.

– Эй, ребята, где здесь живет здоровый такой дядька? – спросил у детей Мартин, показывая рукой примерный рост здорового дядьки.

– Кузнец Налим, что ли? – уточнил самый старший мальчишка – конопатый и без одного переднего зуба.

– Нет, этот поздоровее кузнеца будет.

– У нас самый большой – кузнец Налим. У него борода – во какая! – показал мальчишка, ударив себя по коленям.

– Ну, так ваша деревня называется Тапа?

– Тапа, – кивнул мальчишка, и другие дети тоже закивали.

– У вас должен служить здоровый такой зеленоватый мужик.

– А! Так то не мужик, то Бурраш! – догадался мальчишка.

– Точно! – обрадовался Мартин. – Так где нам его найти?

– А идемте, я вам покажу! – сказал мальчишка и зарысил вперед, поднимая пыль босыми ногами.

Резиденция Бурраша находилась на краю деревни в прежде нежилом доме, который местные использовали в качестве общественного склада. Теперь склад занимал только половину владения, а во второй жил Бурраш, устроивший на подворье еще и военную школу для местных парней и мальчишек.

Еще на подходе к дому был слышен стук дубинок и крики тех, кому попало по рукам.

Мартин узнал голос Бурраша, который распекал кого-то из учеников.

– Ишь, какой строгий, – заметил Рони, улыбаясь от предчувствия встречи с боевым товарищем.

Показав дом Бурраша, дети убежали, а Мартин с Рони привязали мулов к коновязи у высокого забора и, толкнув калитку, зашли на подворье, где прыгали пять пар учеников,

размахивая дубинками.

– Ха! Вот это новость! – воскликнул Бурраш, который с прежних времен почти не изменился, разве что немного поправился. На нем были те же штаны, куртка с дырками от заклепок и сапоги, носившие следы недавнего хорошего ремонта.

Орк подскочил к Мартину и, обхватив его, поднял в воздух, потом поставил на ноги и так же крепко обнял Рони, крикнув:

– Эй, а мальчишка-то попрос!

– Попрос! – согласился Мартин, и они засмеялись.

– Ну, ребята, вы прямо вовремя! Я жалованье получил – два ведра желудевого пива, полсотни яиц, два круга колбасы и полмешка зеленых яблок. Во как живем!..

– Господин сержант, нам уже можно идти? – спросил один из учеников Бурраша, потирая на лбу свежую шишку.

– Да, на сегодня все – можете идти, хотя – стой! Вот ты, Хендрик, говорил, что все для тебя здесь слабоваты, да? – обратился Бурраш к рослому парню с дерзкими глазами.

– Ну да, а разве не так, сержант?

– Согласен. До меня ты еще не дорос, но, может, хочешь схватиться с кем-то из моих друзей? Смотри, они со своими колотушками приехали.

Бурраш снял с пояса Рони его колотушку и придиричиво осмотрел.

– Не похожа на те, что у вас раньше были.

– Нам с Мартином такие удобнее показались, чуть кри-
вые, зато сучки силу держат.

– Видал, Хендрик? Устоишь против такой дубинки? –
подначил Бурраш ученика-зазнайку.

– Мне-то что, я любого уработаю, кроме вас, конечно, сер-
жант.

– Ну, выбирай, вот – один молодой, другой седой.

– Ты что же, нас прямо с дороги к колотушке пристраивать
будешь? – усмехнулся Мартин.

– Ну, надо же помочь мне лучшего ученика поправить, не
то испортится парень. А потом и поговорим, и выпьем.

– А давай я начну со старого, – сделал свой выбор Хенд-
рик, и все остальные ученики тотчас побежали садиться на
крыльцо, чтобы видеть схватку.

– Этого побью, потом за малого примусь, – пообещал
Хендрик, становясь напротив Мартина.

Тот снял с пояса колотушку, бросил шапку Рони, отошед-
шему с Буррашом в сторону, и приготовился к схватке, кото-
рая обещала быть жаркой, хотя это была лишь учебная про-
ба.

Хендрик атаковал первым, делая быстрые кистевые ходы,
словно его тяжелая дубинка была невесома. Мартин стукнул
разок и уклонился в сторону, а Хендрик бросился вперед, не
давая ему передышки и возможности приноровиться к слож-
ной манере противника. Мартину снова пришлось уходить,
то в одну, то в другую сторону, отвечая тяжелыми косыми

ударами, прерывая атаки Хендрика.

Тот снова стремительно атаковал и попытался выхватить у противника колотушку свободной рукой, но хватка Мартина была покрепче, и дубинка осталась у него. Тогда Хендрик отскочил и взял паузу – седой соперник оказался не так прост, хотя и двигался вроде тяжеловато, но одышки у него не было.

Хендрик сделал круг, выбирая способ атаки, затем опять бросился вперед, одновременно выхватывая сзади вторую колотушку, но Мартин ждал этого и, отбив атаку, контратаковал и вырвал у Хендрика запасное оружие, а затем, не давая ему прийти в себя, ударил ногой в голень и очередным ударом выбил из рук вторую колотушку.

На этом схватка закончилась, и по виду Хендрика было ясно, что биться с Рони он уже не хочет.

– Я не думал, что вы такой крепкий, – признался он, потирая голень.

– А что ты хочешь? – смеясь, заметил Бурраш. – Они с Рони одними колотушками с черным орком бились.

– Вы видели черных орков? – еще больше удивился Хендрик, сразу забыв про боль в ноге.

– Мне их твой сержант показал, – сразу переадресовал Мартин.

– Сержант, так вы видели черных орков? А почему же никогда не рассказывали?

– Все вопросы на сегодня заканчиваем, завтра соберемся

снова. А ты, Хендрик, после вторых петухов сделаешь обход от реки до мельницы.

– Один?

– Конечно, один. Мы тут охрана или кто?

– Хорошо, сержант, я пойду.

– Вот и прекрасно, а теперь проваливайте. Я заслужил отдых.

Когда ученики Бурраша разошлись, Мартин с Рони завели мулов на подворье и поставили в пустующий сарай. Затем Бурраш вынес на улицу стол, лавку и пару на удивление хороших стульев – старых, но крепких и даже имевших обивку.

– Хорошая у тебя мебель, – заметил Мартин, умываясь под фаянсовым умывальником.

– Местная община выделила. Это спорные стулья, за них две семьи три года судились, а никак ни по чьему не выходило. Вот и решило общество отдать их мне.

Бурраш быстро накрыл на стол: пиво в большом кувшине, сырые яйца, краюха черствого хлеба, круг колбасы и пучок разной зелени – от петрушки и лука до молодой крапивы.

Гости от себя добавили пирожков, которым Бурраш очень обрадовался.

– Вот это хорошо! – сказал он, пробуя их с разными начинками. – Я для себя стряпать ленюсь, хотя в полку у меня получалось кашу варить и похлебки разные, а еще мясо отбивал и жарил. Но здесь – лениво. Выпью десяток яиц, и на весь день хватает, если не считать пива.

– Так ты здесь вроде стражника? – спросил Рони.

– Да. Я здесь и стражник, и королевский шериф, и городской гарнизон, если потребуется.

– И часто требуется?

– Нет, не часто, – покачал головой Бурраш, разливая по деревянным кружкам пенистое пиво. – Пару раз драки пресекал среди местных, это когда пива на праздник напиваются, то сразу обиды старые вспоминают. Раз конокрада взял с поличным, мне тогда ребята мои помогали.

– Ученики? – уточнил Мартин.

– Так точно... Ну, будем!..

Они стукнулись кружками и стали пить: Бурраш быстро и привычно, а гости поморщились.

– Чего вы? – спросил он, ставя пустую кружку.

– Уж больно вяжет, – покачал головой Мартин и откашлялся.

– И горькое, – в тон ему добавил Рони.

– Так желудечное же, оттого и вяжет!.. Иной раз потом в сортире час просидеть можно, и никакого толку, но это если ведро за день выпить. На тот случай у меня вон зеленые яблочки имеются, очень помогает. Так что пейте безбоязненно.

Мартин с Рони еще немного потянули, но больше им не хотелось, а Бурраш, напротив, выпил еще две большие кружки, а потом принялся за колбасу и сырые яйца.

– Ценят тебя здесь? – спросил Мартин, начиная разговор издалека.

– Да, жратвы натаскивают полные закрома, даже маслица предлагают коровьего, но я сам отказываюсь – боюсь затяжелеть без работы. Пацанов учить большой силы не надо,

а после недавнего случая еще и деньгу подкидывают, правда, немного – серебряную терцию за две недели, но по здешним понятиям, очень неплохо.

– А чем отличился?

– Шайку налетчиков прогнал.

– Большую?

– Полдюжины дураков и главный с ними.

– Перебил?

– Зачем? Дураки же и никого не убили. Просто потрясли двух мужиков, за девками гонялись, ну, тут и я вышел. Так они, слышь, кинжалы достали, тогда я им меч показал, но они все равно на рожон поперли – их же больше. Так и гнал через лес до самого болота, где они и завязли.

– Не выбрались?

– А я почем знаю? Я повернулся да в деревню пошел.

– То есть тебе здесь не скучно? – уточнил Рони, водя языком по онемевшим от терпкого пива губам.

– Почему не скучно? Скучно, очень даже.

Орк вздохнул.

– Ну, так у нас к тебе предложение – можно на службу наняться, – сказал Мартин.

– На какую еще службу? Опять обозы водить?

– Значит, обозы водить не пойдешь?

– Дело, конечно, натужное и неприветливое, но с вами пойду.

– А деревню на кого оставишь?

– На лоботрясов своих. По следу они сами ходить умеют – не городские, а драться дубинками я их уже научил, Хендрик вообще коварный.

– Я заметил, – кивнул Мартин.

– Так что справятся.

Орк налил себе еще одну кружку и выпил залпом, а потом допил из кружек своих гостей.

– Эх, хорошее пиво, не знаю, чего вам не понравилось! – заметил он. – Ну хоть колбаски отведайте, все одно завтра съезжаем!..

– Колбаски отведаем, – согласился Мартин. – Против колбаски мы никогда не возражали.

Он взял нетронутый круг колбасы, который Бурраш еще не порвал руками, и аккуратно порезал, потом выбрал из огромного пучка самую свежую зелень и положил рядом.

– Ишь, ты, – покачал головой Бурраш. – А что за дело-то? Какие деньги обещают?

– Если все получится – по пятьсот золотых на рыло, – не удержался Рони.

– Вот так штука!.. – воскликнул Бурраш и почесал кинжалом голову. – Видать, и вправду нелегкое дельце.

– Нелегкое, – кивнул Мартин, разжевывая немного подсохшую, но очень вкусную колбасу. – У заказчика увели шкатулку с золотыми механическими игрушками. Вот ее и нужно найти.

– Про такие игрушки я слышал. Заводишь ключиком, му-

зыка, то да се. Только не стоит эта игрушка таких денег.

– Не стоит, – согласился Мартин. – Похитители несколько раз покушались на хозяина, в том числе колдовскими методами.

– Ага, вот за что золотишко.

– Да уж не за просто так. Но ты же не из пугливых?

Орк вздохнул, снова почесал голову кинжалом и сказал:

– Я не боюсь того, что понимаю. Когда драка, пусть один против десятерых – это я сдюжу, но вот такие расклады мне не нравятся.

– Но ты же был с нами, когда голем гостиницу разнес! – напомнил Рони, ему показалось, что орк сейчас откажется.

– Да был, конечно. Но я же сказал, с вами пойду на любую работу, тем более деньги платят, да и Мартин со своими страшными клешнями рядом будет, все не так страшно.

Все засмеялись, а Рони потом добавил:

– Так он этими своими клешнями нам работу и выторговал.

– Да ну? И как же это было?

– Мы хозяину поначалу не показались – старый да малый, что с нас взять. Вот и завернул он нас, слабенькие вы, говорит, а Мартин выпросил у него золотой ливр, смял в кулаке и на стол бросил. Тут и разговор другой пошел, только через это и сладились.

– Значит, получается, Мартин, что Угол тебе долги отдаст?

– Получается, что так, – кивнул Мартин.

– Только нам бы еще Ламтак пригодился.

– Мы тоже так думаем, поэтому завтра – сразу к нему.

– Вот это дело хорошее, – сказал Бурраш. – И за это надо выпить. А потом я схожу и разьясню здешнему старосте всю диспозицию.

Ламтак проживал в небольшом городе, до которого идти пешими было полтора дня. Или верхом на мулах, если кто уставал, но скорости это не прибавляло.

Бурраш совсем отказался садиться в седло, уверяя, что его кости для такого передвижения еще не окрепли.

– Верхом надо садиться, отмахав на ногах миль сорок, тогда задница болеть не будет. А если сразу взгромоздиться, придется как вы – корячиться.

И он был прав – Мартин с Рони то и дело сходили на дорогу и шли, переваливаясь и морщась, пока не начинали болеть ступни, и тогда снова забирались в седла.

Мулы вели себя спокойно, но при каждом привале требовали овса, отворачиваясь от предлагаемой им свежей травы с обочин.

– Зажравшиеся у вас кони-то, – покачал головой Бурраш, впервые заметив такое поведение мулов.

– Это не наши, – сказал Мартин. – Мы их по случаю купили. Деньги просили небольшие, вот я и взял.

– Теперь понятно, почему мало просили – хозяин хотел от них поскорее избавиться, пока они его не сожрали.

Животные, казалось, внимательно слушали, о чем говорил этот зеленоватый гигант, и относились к его словам неодобрительно – тревожно шевелили ушами, трясли мор-

дами и даже переглядывались, дескать: ты слышал, чего он там мелет?

По дороге навстречу изредка попадались крестьянские телеги, везшие дрова или сено. Случались и простые путники – одиночные и сообща. Вопреки ожиданиям Мартина, на Бурраша никто не обращал внимания, из чего он сделал вывод, что и в здешних местах орки совсем не редки.

Измучившись в пешем путешествии, к закату путники прибились ко двору здешнего лесничего, человека зажиточного и подозрительного в силу своей казенной службы. Мартин не рассчитывал попасть на ночлег в богатый дом, но хозяин сам выехал на дорогу и предложил им место в сеном сарае. Как оказалось, его заинтересовал именно Бурраш, у которого за спиной висел солдатский меч.

– Я человек на королевской службе, – сказал лесничий, проводя гостей в сенник. – А потому слежу не только за лесом и прочими угодами, но также надзираю за дорогой. У меня тут никаких разбойников не водится.

Лесничий завел гостей в просторное и чистое помещение с несколькими топчанами, застеленными набитыми сеном матрасами.

– Здесь обычно батраки живут, когда приходит время собирать ягоды или сено косить. Потом мы весь урожай сдаем в казну, а уж они используют по усмотрению. А сейчас весна, никаких поденщиков, вот и пустует комнатка. Располагайтесь, я вам работника пришлю с припасами, небось в до-

роге-то не шибко кушали.

– А лицо ополоснуть у вас можно? – спросил Мартин.

– Да хоть и не лицо! – ответил лесничий и хрипло рассмеялся. – Прямо за сараем тропка вниз, там у нас ставок, можно даже купаться. А вытираться сеном, рядом копна прошлогоднего.

– Вы очень добры к нам, господин королевский лесничий, – сказал Рони, и было видно, что упоминание о принадлежности к королевству хозяину понравилось.

– Да что там, пользуйтесь, а то у меня здесь скучно. Местных я не привечаю, положение не позволяет – дай ему сухарь сегодня, завтра две сосны в лесу спилит и скажет: лесничий ему друг. А позвал я вас потому, что мне солдат ваш приглянулся, ты ведь солдат?

– Бывший солдат, – отозвался Бурраш, потом поставил в угол меч в ножнах и сел на лавку, с удовольствием вытянув ноги.

– Так и я солдатом был! В двух кампаниях нашего короля побывал – честное слово! До сих пор инглезов не переносу после Тирольского конфликта. Семь лет отслужил, дошел до оруженосца полкового капитана, а потом в награду получил вот эту должность. С тех пор на этом хозяйстве и сижу.

– Приятно встретить бывшего солдата, – улыбнулся Бурраш и, привстав, пожал лесничему руку.

– Ну, устраивайтесь, а я пойду насчет ужина распоряджусь, ну и мулов ваших в конюшню поставить надо. Располагай-

теть!

Лесничий ушел, и Бурраш закинул ноги на лавку.

– Повезло нам с ночлегом, – сказал он. – Пожрать бы только! Надеюсь, он принесет солдату с добавкой, раз сам был солдатом, а, Рони?

– Не вопрос, – пожал плечами самый молодой участник экспедиции, осматриваясь в помещении и заглядывая под лавки.

– Ты чего ищешь? – спросил Мартин.

– Гляжу, куда арбалет спрятать.

– А чего его прятать?

– Так у тебя есть арбалет? – в свою очередь, удивился Бурраш и поднялся с лавки. – Ну-ка, покажи.

Рони снял с плеча мешок и стал развязывать, а Мартин поднялся и вышел вон – он запарился в дороге, устал, и ему хотелось освежиться в ставке.

Пока гости устраивались в сенном сарае, солнце уже село за горизонт, и, выйдя на воздух, Мартин почувствовал прохладное дуновение слабого ветерка. В соседней постройке мыкнула корова, слышно было, как звенят в ведре струйки парного молока.

Обойдя сарай, Мартин заметил ту самую тропинку, которая спускалась в глубокую балку. С каждым шагом по ней он все глубже опускался в холодные слои воздуха, которые без движения стояли тут весь день. Вместе с прохладой появлялись сырость, запах водоема и стала опускаться темнота.

Мартин поднял голову – на небе еще различались облака, подсвеченные из-за горизонта алым светом. А в балке оказалось так свежо, что Мартин засомневался – стоит ли купаться? Может, только поплескаться в лицо?

Присев на корточки у ставка, он погрузил в него руку и улыбнулся: вода оказалась теплой, а дно балки было видно целиком – выстеленное белым песком и покрытое пучками луговой осоки.

Должно быть, к середине лета вода и вовсе сходилась на нет, и косари выкашивали всю балку досуха, но сейчас воды было в избытке.

Мартин разделся и сложил одежду в сторонке. Затем шагнул в воду и почувствовал, как травинки щекочут нагружен-

ные за день ноги.

Оттолкнувшись, он перемахнул небольшой ставок и коснулся другого берега, перевернулся на спину и стал смотреть на угасающее небо. До чего же хорошо! Усталость отпускала, тревожные мысли уходили в воду, и оставалось только гаснущее небо и первые загоравшиеся звезды.

– Марти-и-ин! – позвал сверху Рони.

– Я тут – купаюсь!

– А! Ну тогда я попозже – хозяин ужин принес!

– Хорошо! – ответил Мартин и, оттолкнувшись от берега, выплыл на серединку ставка, намереваясь встать на дно, однако... дна он не достал, даже когда махнул руками раза два и ушел на глубину в пятнадцать футов.

Торопливо всплыв, Мартин, отдуваясь, вылез на свой берег и перевел дух.

– Что же тут за яма такая? – удивился он, глядя на воду, которая ему теперь не казалась такой уж доброжелательной. – Пустяки, – сказал себе Мартин, садясь на траву. – Обсохну и пойду обратно.

Но вдруг вода в ставке вскипела, запузырилась, в нос ударил резкий болотный запах, и Мартин на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, увидел страшное чудище, да так близко, что его от ужаса даже затошнило.

Это был морлинг. Черно-синий, противно гладкий и мокрый. По его скользкой шкуре бегали болотные мошки, над ним вились комары, а вокруг разрезали воду болотные шма-

ры.

Чудище открыло глаза и, глянув на Мартина, буркнуло:

– Бафни андвай!..

– Пошел вон! – в отчаянии закричал Мартин, отползая назад.

– Допрвный вентчер, – поправилось чудовище и чихнуло.

– Да что же это такое? – произнес Мартин, отодвигаясь к одежде.

– Скверна тут у вас... ндт... Суххо!

– Нормально у нас, ты кто такой?! – воскликнул Мартин, собираясь с духом.

– А ты Мартин? Уф-ф, суххо...

– Ну, допустим!

– Допустим не нужен, нужен Мартин.

– Йа-а Марти-ин! – воскликнул Мартин, начав терять хладнокровие.

– Тогда тебе м... привет из Змеебада и... совет – поберегись, они про тебя знают...

С этими словами чудовище исчезло в глубине ставка, и вместе с ним исчезли мерзкие мошки и шмары, а воздух очистился от гнилостного болотного запаха.

– А кто передал-то, кто? – спросил Мартин с запозданием, но никого уже не было, а водная гладь ставка ничем не нарушалась.

– Поберегись! А-а-а-а!.. – завопил Рони, скача вниз по узкой тропинке. Мартин успел податься в сторону, и его на-

парник сиганул в ставок, а потом встал посередине и стал плескать воду в лицо.

– Эй, до чего же хорошо, Мартин! – кричал он, прыгая и наводя высокие волны, которые плескались по берегам, заставляя прятаться в тине попавшихся не ко времени лягушек.

– Как там глубина? – спросил Мартин, натягивая штаны.

– Пустышная! До груди едва достает! Ты уже уходишь?

– А ты уже все пиво выпил? – в тон ему спросил Мартин.

– Это было не пиво, а вишневая наливка, Мартин! Беноксей Либенпорт оказался замечательным мужиком! Лучший из королевских служащих – честное слово!..

– Охотно верю, – буркнул Мартин, надевая рубаху. Потом накинул на ноги обмотки, сунул ноги в башмаки и поспешил наверх – пока что он никому не собирался сообщать о том, что случилось. Возможно, это был страшный сон, навеянный дорожной усталостью, впрочем, Мартин был уверен, что даже во сне был свой толк. Его предупредили, и на том спасибо.

В сенном сарае было весело, лесничий и Бурраш трясли друг друга за грудки и, не переставая, рассказывали солдатские байки – каждый свою. На столе стояла стеклянная реторта с вишневой наливкой мер на восемь, треть которой они уже выпили.

Лицо лесничего горело, как поле майских маков, а у Бурраша румянец пробивал даже сквозь зеленоватую шкуру.

Два масляных фонаря освещали этот праздник, и, пройдя мимо публики, Мартин лег на свою лавку и вскоре уснул. Он проспал много часов без всяких сновидений, а проснувшись, не сразу понял, где находится.

С внешним миром его связывали лишь ленты солнечных лучей, пробивавшихся из-под камышовой крыши.

Мартин поднялся, осмотрелся и не обнаружил никого из приятелей. Матрасы были аккуратно взбиты, а на столе от вчерашней попойки не осталось ничего – он был чисто вымыт и протерт.

Снаружи доносились голоса, Мартин узнал Бурраша и вышел во двор, шурясь от яркого солнца.

– А вот и начальник! – радостно произнес Бурраш, который уже утром принял еще наливки. Они с лесничим сидели за столом под навесом и завтракали.

– Доброго утра честной компании, – поздоровался Мар-

тин.

– Как вам у нас спалось, господин хороший? – с неожиданным уважением спросил лесничий.

– Вы знаете – дома так хорошо не спал, как у вас. До лоты в костях проняло! – признался Мартин, и лесничий довольно засмеялся.

– Это у нас от воздуха горного и особого расположения местности. Люди непривычные, особенно из города, всегда это замечают. Садитесь, покушайте оладий перед дорогой. Они у нас отменные, жена с работницей до света ради гостей поднялись и расстарались, мне такие именины давно не устраивали.

– А мне понравился ваш ставок, – вошел в разговор Рони, выходя из-за сарая и вытираясь рубахой. – Вечером вода свежая, а утром – студеная! То, что нужно!

– До ветру туда? – негромко уточнил Мартин, указывая на дощатую кабинку в глубине двора.

– Нет, – мотнул головой Рони, – я тоже едва не ошибся. За конюшней это дело находится.

– Вот так шутка, – хмыкнул Мартин. – Вот бы я перед всем обществом опозорился.

– А я туда уже ломился, хорошо хоть работник все объяснил.

– Сейчас приду! – пообещал Мартин и отправился за конюшню.

Сделав свои дела, он спустился к ставку и умылся, насто-

роженно поглядывая в глубину, где имелось видимое дно, над которым покачивались стебли болотных трав. И никакой ямы, только воспоминания.

Наскоро освежив лицо и слегка смочив волосы, Мартин поднялся во двор и сел за стол, где его ожидала горка еще горячих оладий, зажаренная сметана, мед и настойка, если потребуется. Но он выбрал травяной отвар.

– Эх, Мартин, неохота мне отсюда уезжать... – прошептал ему Рони, который всю наворачивал оладьи со сметаной.

– Да, местечко сытное, только вечно нас здесь кормить не будут.

– Я не про это.

Рони тряхнул головой, как жеребец, и сдавленно захихикал.

– Что с тобой такое? – удивился Мартин и покосился на лесничего с Буррашом, которые все еще были поглощены полупьяной беседой.

Перед воротами работник обихаживал приготовленных к дороге мулов. Они выглядели довольными и успели навалить кучу навоза.

– Я здесь такую девку встретил...

Сказав это, Рони прикрыл глаза и покачал головой, показывая, что слова здесь бессильны.

– А что за девка?

– Не разобрался. Должно, хозяйская дочка, поэтому я и скрываюсь, понимаешь?

– Так у вас было что-то? – не понял Мартин.

– Да когда чему быть-то? Только утром ее и увидел. Ох и девка, я тебе скажу...

Рони снова закрыл глаза и покачал головой.

– Да сколько их еще будет, этих девок, тем более что мы сейчас уедем – и вся любовь. Глупости все это.

– Нет, не глупости, я сюда еще наведуясь, Мартин.

Рони съел еще полдюжины истекающих сметаной оладий и дожевывал последний, сосредоточенно глядя перед собой.

– Я, понимаешь, спускаюсь, а она белье в ставу полощет. Талия осиная, коса вороная – до пояса, а как взглянула на меня, так до пеньков подрало – честное слово.

– Мы уедем, и девки этой ты больше не увидишь, – гнул свое Мартин.

– Позволь не согласиться, дорогу сюда я хорошо запомнил – еще вернусь, а то и посватаюсь!..

– Тихо ты, – осадил его Мартин, покосившись на лесничего и Бурраша, однако они налегали на наливку и ничего не слышали, – если это хозяйская дочка – берегись, лесничий старый солдат, у него разговор короткий.

– Она мне говорит: пришел – раздевайся. Представляешь? Я весь пупырькой покрылся от такого предложения – раздевайся, говорит...

– Так у вас что-то было?

– Да когда? Я взял да и сбросил штаны, как просила, а она говорит – ныряй в став, охолопись, я нырнул. По самому дну

прошел в длину, там, где кувшинки, а как вынырнул, ее нет!..

– Тихо ты, – Мартин снова покосился на лесничего.

– Ее нет, – уже тише добавил Рони. – Сбежала с бельем своим. Вот я оделся и пошел в гору – к вам.

– Ну и заткнись.

– Как заткнуться-то, Мартин? Погорел я. Никаких мыслей, кроме нее.

– Ох, дурак, – чуя неприятности, покачал головой Мартин. – Ты ее ни имени, ни роду не знаешь, и сразу свататься.

– Спросил! Ригондой ее зовут. Ри-гон-да.

– Что еще сказала?

– Поначалу сказала – ты искать меня будешь, но не ищи, сама тебя найду.

– А потом ты нырнул?

– Потом нырнул.

– Ну и дурак.

– Да почему же дурак?

В этот момент разговор Бурраша с лесничим неожиданно закончился.

– Ну, отряд, пора нам в дорогу! – объявил орк, и они с лесничим выпили на дорожку по полной кружке.

Мартин сунул в рот еще пару оладий и торопливо поднялся, ему хотелось поскорее убраться отсюда, поскольку он начинал ощущать скрытую угрозу. От кого и от чего – непонятно. Но угроза давила и заставляла морщиться, как от глубокой царапины.

Вся компания поднялась из-за стола и направилась к воротам. Заметив это, работник открыл створку и потащил мулов со двора.

Рони поспешил за ним, а Мартин, чуть задержавшись, вышел следом и подоспел в тот момент, когда Рони стал спрашивать работника.

– Слушай, что за девка у вас здесь, а? – спросил он, хватая работника за локоть.

– Какая еще девка? – отстранился тот, поскольку Рони выглядел очень взволнованным.

– Ну как какая? Удивительная девка: сиськи через край, стан тяжелый, талия тонкая и дыхание сладкое, неужели у вас таких много?

– Да нет тут никаких девок, работницам давно за сорок, вот и все молодки.

– Ну, прекрати zenки-то пучить, я тебе заплачу, хочешь? Ее Ригондой зовут, не девка, а пожар просто!..

– Да будет вам, господин хороший, людей пугать! – неожиданно воскликнул работник и оттолкнул Рони. – Ригонда полтора года как пропала...

– Куда пропала? – не понял Рони.

– Никто не ведает, куда. Пошла белье полоскать в ставу и пропала! Мы пришли, а ее нет! Корыто деревянное стоит, и тряпки по ставу раскиданы, а она исчезла!.. Сказывали, утопла, но в ставу все прошли – нет никакого тела, и в лесу не нашли, и холмы обшарили.

– Что ты такое мелешь, если я сегодня только утром...

– Постой, Рони, давай отойдем, – вмешался Мартин и потащил младшего товарища в сторону.

– Послушай, Мартин, должно, мужик просто запутался...

– Это ты запутался, парень. Нет твоей Ригонды в живых, тебя призрак в оборот взял, крови твоей захотел, а ты на нее и польстился!

– Постой...

Рони попытался вырваться, но Мартин держал его, как клещами.

– Выкинь это из головы, Рони, приبلуда это!.. Будешь думать о ней дальше – пропадешь!..

Даже пробыв в дороге пару часов, Рони все еще выглядел каким-то остекленевшим. Протрезвевший в пути Бурраш обратил на это внимание и спросил Мартина:

– Что это малой наш как не в себе?

– Призрак ему привиделся в виде красавицы, – со вздохом сообщил тот.

– Ничего себе. Это когда?

– К ставу спустился, там она его и завлекла.

Бурраш осторожно посмотрел на Рони, который все это время ехал верхом, глядя перед собой.

– Скверное дело, – сказал орк, покачав головой.

– То-то и оно.

– Не надо было вам в этот ставок соваться, от этих умываний одни неприятности. Небось и щеточки свои прихватили, чтобы зубы мыть?

– Прихватили, – подтвердил Мартин, раздумывая, стоит ли рассказывать о собственных приключениях возле этого ставка.

Холмы вокруг становились все круче и скоро сложились в горный хребет, вставший поперек пути. Дорога пошла на подъем к перевалу.

– Рони, сойди на землю, разомни ноги, – предложил Мартин, но младший партнер его не услышал.

– Ну что с ним делать, а? – обратился Мартин к Буррашу. – Может, облить его водой, как думаешь?

– Нет, водой не надо, его сейчас змея изнутри гложет.

– Какая змея?

– Известно какая – тоска. Из-за тоски легко и разума лишиться, тут надо осторожно действовать. Вот у нас в полку один товарищ заскучал по дому – жена у него была молодая, ребенок. Такой же заторможенный днями просиживал да смотрел на дорогу, есть-пить забывал. Так наш сержант возьми да и тресни ему палкой по голове, думал его в себя привести, а тот выхватил тесак да на него.

– И что?

– Едва не зарубил. Впятером еле оттащили.

– И что же нам делать? – шепотом спросил Мартин, глядя на покачивающегося в седле Рони.

– Есть один способ.

С этими словами Бурраш сунул руку в торбу, которую вез на себе свободный мул, и вынул узкогорлый кувшин, в который на дорожку им выдали наливки.

– Думаешь, он станет это пить? – с сомнением спросил Мартин.

– Если будем заставлять – откажется, – уверенно произнес Бурраш. – Но мы зайдем хитростью, скажем, чтобы в сумку положил. Допил и положил.

– Начнет пить, поймет сразу.

– Не поймет, он сейчас, как снулая рыба, огуречный рас-

сол от меда не отличит.

Мартин на это лишь покачал головой и, спрятавшись за шагающим мулом, стал наблюдать за действиями орка.

Тот бочком переместился ближе к Рони и пошел рядом, затем вытащил из кувшинчика пробку и, сделав пару глотков, протянул Рони:

– Положи-ка его вон в ту торбу!

Рони машинально взял кувшинчик, но плеснувшаяся наливка испачкала ему руку.

– Ой, да там еще осталось? – как будто удивился Бурраш. – Ну, так допей остаток, а потом брось кувшин в торбу.

Произнеся слова своей роли, орк отошел, демонстрируя свою полную отстраненность, а Рони, не глядя, раскрутил содержимое сосуда и, запрокинув голову, выпил в несколько больших глотков, затем сунул пустой кувшинчик в торбу и снова уставился на дорогу.

Мартин оставил одинокого мула и подошел к Буррашу.

– И что теперь?

– Думаю, мы эту змею затравим. Клин клином, как говорится, наливка у лесничего крепкая, на себе испытал.

Так они прошагали в гору до высокой отвесной стены, которая потянулась по правую сторону от дороги. Вдруг Рони сам спустился на землю и, подойдя к обочине, стал справлять малую нужду.

Потом застегнул штаны, вернулся на дорогу и сказал:

– Ну и напугал ты меня, Мартин.

Мартин с Буррашом переглянулись, не зная, как это истолковывать.

– Я говорю – страху ты на меня нагнал так, что картины одна чернее другой одолевать стали.

– А теперь как? – осторожно спросил Мартин.

– Вроде отлегло. Пройдусь-ка я ногами, а то в седле совсем заскучал.

После того как Рони вроде бы выздоровел, настроение у всех улучшилось. Мартин перестал замечать, что дорога пыльная, погода жаркая, а слепни приставучие. Между тем склон слева от дороги становился все круче, а стена справа поднималась все выше, и скоро росшие на самом ее верху кустарники стали едва заметны.

Неожиданно Бурраш что-то крикнул и, схватив в охапку Мартина и Рони, толкнул к известковой стене. Дремавшие на дороге мулы тоже очнулись и бросились к спасительному месту, в то время как в воздухе, вращая острыми гранями, уже летела глыба известняка.

Врезавшись в дрогу, кусок скалы брызнул по сторонам обломками и поднял тучи едкой белесой пыли. Самые большие из осколков поскакали дальше вниз, вызывая сотрясение и сердитый рокот дремлющих гор, а на стене заметались и защебетали шуры, перепуганные этим камнепадом.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем путники пришли в себя, а густую пыль отнесло слабым ветром.

Рони откашлялся, сплюнул известковую крошку и сказал:

– Ты нас спас, Бурраш.

– Да-а, – протянул Мартин, вытирая шапкой взмокшее лицо. – И как ты ее разглядеть успел?

Он поднял голову, надеясь увидеть место, откуда из стены

могла вывалиться глыба, но там были лишь трещины и больше никаких повреждений.

– Я никакой глыбы не видел, – отряхивая куртку, сказал орк. – Я птицу увидел.

– Орла, что ли? – уточнил Рони, также глядя вверх.

– Я даже не понял. Просто почудилось, будто большая птица крыльями машет, как будто ветер нагоняет.

– Давайте скорее уйдем отсюда, – произнес Мартин и, схватив повод, потащил за собой мула, однако тот не желал отходить от стены и мелко трясся. Так же вел себя и его собрат, наваливший под стеной кучу навоза.

– Да пойдем, дурак, чего ты уперся? – начал ругаться Мартин, пытаясь сдвинуть упрямого мула, но тот бешено вращал зрачками, и столкнуть его с места было невозможно.

– Как же их напугал этот камень, – произнес Рони, принявшись оттаскивать от стены другого мула.

– Погодите, они не камней испугались, – сказал Бурраш.

– А чего им еще бояться? – спросил Мартин, впрочем, уже догадываясь, чего напугались мулы.

– Отойдите, я с ними поговорю, – попросил орк, и Мартин с Рони, переглянувшись, прошли несколько шагов вперед, продолжая посматривать наверх и опасаясь нового нападения.

– Как думаешь, кого видел Бурраш? – шепотом спросил Рони.

– Говорит – птица была.

– Птица такой камень не дотащит, даже здоровенный орел. Орел может козленка утащить, а тут камень с полтелеги.

– Ну, я не знаю, – пожал плечами Мартин, не желая начинать здесь этот разговор. Может быть, вечером, когда они поужинают, успокоятся и будет время все обдумать, а здесь страхов и так хватало. Он до сих пор чувствовал, что сам внутри какой-то деревянный, будто отбитый.

– Ты помнишь, что нам Овцер рассказывал? – шепотом спросил Рони.

– Чего?

– Как на него горгулья охотилась, пики метала, лекаря убила.

– Да что ты мелешь, откуда ей здесь-то взяться?

Они помолчали, глядя, как орк, обняв шеи обоих мулов, что-то шептал в их длинные уши.

– Думаешь, они его понимают? – спросил Рони.

– Трястись перестали.

– Значит, он с мулами говорить умеет?

– Не знаю, – буркнул Мартин и стал смотреть на соседнюю горную гряду, кое-где поросшую лесом.

– Это была горгулья! – громко произнес Бурраш, заставляя вздрогнуть Мартина и Рони. – Только этой твари по силам поднять такую глыбу!..

Орк подошел к спутникам, ведя в поводу успокоившихся мулов, и передал повод одного из них Мартину.

– Да откуда ж ей силу такую взять, чтобы скалами швыряться? – не сдавался Мартин.

– Она заколдована, и сил ей хватает, чтобы сделать злодеяние и сгореть в небе.

– Как это сгореть? – забегая перед Буррашом, спросил Рони.

– Самым натуральным образом – вспыхнуть, как смоляной факел, и просыпаться на землю горячим песком.

– Ты разве сам это видел?

– Как горела, не видел, другие рассказывали, но горгуля за мной гонялась, я вам рассказывал.

– Да, рассказывал, я помню, – кивнул Рони. – Значит, теперь они и на нас охотиться начнут, как на Овцера?

– Только как они нас так быстро вычислили? – удивился Мартин.

– Ой, ты как будто вором не был! Небось его дом шнырями обложили, они нас и срисовали, – решительно заявил Рони. – Но это и к лучшему.

– Почему? – не понял Мартин.

– Если это городские шныри, мы их прихватим и потрясем как следует.

– Принимается, – кивнул Бурраш, – но сначала нужно вернуться. Думаю, это не последняя пакость, и нужно глядеть в оба.

– Я вот что скажу вам... – решил признаться Мартин. – Когда я первый к ставку ходил, меня там морлинг подсидел.

– Морлинг? – одновременно переспросили Бурраш и Рони.

– Морлинг. Там у них яма в ставу бездонная.

– Да как же бездонная, если я... – начал было Рони, но тотчас, вспомнив свои приключения, замолчал.

– И чего ты нас не позвал? – спросил Бурраш.

– Он не нападал. Он сказал, что ему приказали передать привет из Змеебада, чтобы мы поостереглись.

– А чего же ты не сказал?

Мартин вздохнул и пожал плечами, таща на поводу мула.

– Думал, что не к месту. Вы там вроде праздновали.

– Ну ладно, с этим все понятно. Эй, гляньте, на перевале – застава!..

– Застава, – согласился Рони, приглядываясь. – Должно, ищут кого.

– Похоже.

Дорогу путникам преградили трое солдат в мундирах королевских копейщиков – сержант и два рядовых.

Сержант властно поднял руку и сказал:

– Именем короля, приказываю остановиться!..

– А что случилось? – спросил Мартин, придерживая мула.

– Вопросы здесь задаю только я! А вы здесь только отвечаете, все понятно?

Сержант угрожающе двинулся к Мартину, но наткнулся на Бурраша, который был в полтора раза шире сержанта и на голову выше.

– Э-э... А ты кто?

– Я солдат в отставке.

– Точно в отставке? А, часом, не дезертир?

– Тебе чего надо? – не повышая голоса, спросил орк и повел головой, как будто разминая шею.

– Я... мы ищем беглецов.

– И?

– И я должен вас проверить.

– Ну так проверяй, – развел руками Бурраш.

– Я уже проверил, вы не они. Проезжайте.

С этими словами сержант отошел в сторону и сделал царственный жест, повинувшись которому оба копейщика также освободили дорогу.

– Сэр, можно было стрясти с них хотя бы по медной монете, – негромко произнес один из рядовых, глядя вслед удаляющимся путникам.

– С ума сошел? Ты видел, какой из сумки меч торчал? Гарду видел?

– А что с гардой?

– Она вся в рубцах. Этим мечом уже поработали будь здоров.

– Так, может, это не его меч.

– Хочешь проверить? – скривился сержант. – Ну, давай, пока они недалеко ушли.

Копейщик снова посмотрел путникам вслед и качнул головой. Сержант прав, лучше подождать телегу торговца и стрясти положенное без всякого риска.

Между тем путники уже шагали под гору и скоро оказались в прохладной тени росших по обе стороны дороги кленов. Их листья были покрыты пылью, однако деревья давали прохладу, о которой мечтали путники.

– Если верить слухам, мы придем в Йоншир часа через четыре, – объявил Бурраш, когда компания вышла из-под спасительных кленов и стала спускаться в нагретую солнцем долину.

– То есть сейчас город мы еще не увидим? – спросил Рони, глядя вдаль из-под руки.

– Нет, потерпи. Но скоро мы сможем обнять нашего друга, а он от радости выложит на стол все, что имеется. И мы съе-

дим и выпьем все его запасы, потому что ничего оставлять уже не нужно – старый солдат двинет с нами.

К радости Рони, крыши пригородов Йоншира они увидели не через четыре часа, а всего через два, и вскоре вышли на дорогу, заваленную навозом и искатанную множеством телег. Город располагался очень удачно, и к нему сходилось несколько дорог, в том числе и торговые, поэтому уже в пригородах начинались длинные постройкн постоянных дворов с перевалочными амбарами, где останавливались целые караваны.

– А вы подумали, как мы его тут искать будем? – спросил Рони, когда стали видны крепостные ворота, куда не прекращавшимся потоком двигались телеги с товаром, пешие и верховые путники.

– Я? Честно говоря не подумал, – признался Мартин. – Я думал, здесь большая деревня, а тут вон что – целый город отгрохали. И вот что интересно: как он не треснет, если люди туда все идут и идут?

– Должно, на выход другие ворота служат, – высказал предположение Бурраш, который тоже слегка растерялся от такого размаха. – А ров-то, посмотрите, какой ров, и мост перекинут – все как положено!

– И как они с него не валятся, небось страшно по мосту проходить, а? – спросил Рони. – Правда, что внизу змей полно, Бурраш? Говорят, их туда специально напускают, чтобы враг убоился.

– Бывает, что и напускают, – пожал плечами орк. – Но они там и сами разводятся, потому как сыро и крыс полно.

– Ну и новости. А это точно Йоншир? – снова спросил Рони.

– А вот мы это сейчас узнаем, – пообещал орк и обратился к старушке в изодранной накидке, с клюкой и тощей торбой на плече.

– Эй, бабуля, это город Йоншир?

– Йоншир, конечно, так его разэдак! Такую дороговизну развели – за полфунта бараньих костей целый деним требуют!..

Старуха погрозила в сторону крепостной стены сухеньким кулачком и поправила котомку.

– Послушайте, бабуля, а вы не знаете, много ли в городе башмачников?

– А тебе зачем? – спросила старуха и строго посмотрела на Бурраша.

– Послушайте, мамаша... – вмешался Мартин и, передав повод мула Рони, подошел к старухе. – Понимая ваши затруднения, хотел бы предложить вам один деним, если вы расскажете нам, какие у вас тут башмачники.

– Давай деним, – сказала старуха, протягивая руку. Мартин отдал монету, и та долго прятала ее в складки поношенной одежды. Потом посмотрела на Мартина и сказала:

– Башмачники тут всякие.

И решив, что на этом можно заканчивать, повернулась

и заковыляла своей дорогой.

– Эй, мамаша! – крикнул Мартин и, догнав старуху, преградил дорогу. – Ты или отвечай, или деним возвращай!..

– Экий ты глупый! Ты спросил *какие*? Я ответила – всякие. Чего еще?

– Хотя бы по счету – сколько их? Десять или двадцать?

– Ровно дюжина, – нехотя ответила старуха.

– Отлично. Нам нужен такой невысокий, коренастый, – пояснил Мартин и показал рукой, какой высоты им нужен башмачник.

– Половина их коренастые, – не сдавалась вредная старуха.

– Тот, что нам нужен, – гном. Знаешь его?

– Злобный такой, пыхтит все время, а за ремонт уздечки восемь яиц потребовал, – пробормотала старуха. – Нет, не знаю я такого.

– Зато я знаю! – вмешался Бурраш. – На Рыбной улице он живет, в самом конце, против дома мешочника!..

– Дурак ты, верзила! Башмачник этот в тупике живет за каретной мастерской! А Рыбной улицы в городе отродясь не было!..

Мартин посторонился, и старуха зашагала прочь.

– Здорово ты ее обхитрил, – похвалил Мартин орка. – Я уж думал, плакали наши денежки.

– Остается проверить, наш ли это гном.

За первой городской стеной оказалась еще одна, вдвое выше первой. Между ними было ярдов сто, и все это пространство занимали бесконечно длинные торговые ряды, где покупалось и продавалось все, кроме скота, которым торговали снаружи.

– Ох, и шумно тут! – заметил Мартин, придерживая мула, который начинал нервничать от криков зазывал и смеха подгулявших гостей города.

– А в Пронсвилле таких стен почему нету? – спросил Рони.

– Пронсвилль на берегу, там враг только с моря возможен, – пояснил Бурраш.

– А в Лиссабоне стены имелись, – добавил Мартин. – Только давно, их потом на камень растащили.

– А тут кого бояться? – снова спросил Рони.

– Тут дорога на Бирнор имеется, а мимо него до самой Инглангии. Вот и стоит этот город форпостом, и стены здесь чинят. Вон, на башнях камень новый положен, – сказал Бурраш, и Мартин с Рони стали смотреть на башню, где действительно виднелись следы недавнего ремонта.

– Эй, послушайте, где здесь башмачников найти можно? – спросил Мартин у какого-то прохожего.

– Здесь башмачников нету, – покачал головой тот. – Они

за второй стеной кормятся.

– Спасибо, – поблагодарил Мартин, и они двинулись к следующим воротам, куда проходило уже не так много возов и людей, зато охраняли эти ворота четверо рослых, под стать Буррашу, гвардейцев, которые внимательно оглядывали каждого входящего в серединный город.

Обстановка там была не такая суматошная, и путники перевели дух, начав вертеть головами и рассматривать вывески, предлагающие посетить всякие заведения, от булочных и питейных до мастерских по пошиву седел и разной упряжи.

Вскоре пришло время снова спросить дорогу, и теперь этим занялся Рони. Он подбежал к группе молодых людей, по виду подмастерьев, которые спешили по каким-то делам, и спросил, как пройти в тупик за каретной мастерской.

– Двигай за нами, мы как раз туда, на потеху поглядеть! – ответили ему.

– А что там за потеха?

– Там сегодня башмачника бить будут!

– Похоже, совсем пристукнут! – весело добавил другой подмастерье, и они рассмеялись.

Рони обернулся и пожал плечами, а Мартин махнул ему рукой, дескать, давай, мы за тобой.

Они прибавили шагу, чтобы не отставать от подмастерьев, которые весело переговаривались, время от времени отпуская шуточки в адрес проходивших мимо молодых женщин.

Скоро стали слышны крики, и, завернув за очередной угол, Мартин, Бурраш и Рони увидели толпу из сотни человек, которые были вооружены палками и ржавыми тесаками. Эта толпа окружала деревянную пристройку к каменному зданию, а на крыше пристройки сидел Ламтак – в шлеме, с маленьким щитом и коротким мечом.

– Эй, поглядите! – обратился к спутникам Рони и кивнул в угол, где скучали двое городских стражников, в обязанность которых входило предотвращение подобных сборищ. Однако эти, похоже, были заранее приглашены и грызли орешки, со скукой наблюдая за происходящим.

– Понятное дело, – оценил обстановку Бурраш и, вынув из сумки меч в ножнах, направился к толпе, которая орала все громче, и несколько самых активных крикунов, по виду – городских бандитов, пытались рогатинами поддеть Ламтака за ногу, но тот отбивался от рогатин и старался забраться повыше, однако выше уже было некуда.

Подойдя к разбойникам, Бурраш оглянулся и, увидев, что Мартин с Рони встали сзади него, прикрывая фланги, громко спросил:

– Братцы, а чего у вас тут происходит?

Бунтовщики перестали кричать и все повернулись в его сторону. А какой-то бородатый мужик со сломанным носом и злыми глазами из-под лохматых бровей спросил:

– А это что за рожа зеленая тут нарисовалась?!

Это был главарь банды, и перед ним расступились, давая пройти к Буррашу.

Орк заметил нож, который главарь прятал за штанину, но меч из ножен доставать не стал. Бандиты засмеялись шутке предводителя, а Бурраш улыбнулся и сказал:

– Да уж, какой родился, такой и пригодился. Так чего вы здесь шумите, сапоги из ремонта требуете?

– А тебе какое дело?

– Я пришел обувку в ремонт сдать, но, похоже, не ко времени.

– Не ко времени, – кивнул главарь и покосился в сторону стражников, которые поднялись на ноги и взялись за алебарды, готовые вмешаться и выгнать чужака.

– Тогда давайте вы разойдетесь, а я как башмаки сдам – сообщу вам отдельно, тогда возвратитесь и снова орать бу-

дете, – предложил орк, а потом, двумя ударами меча в ножах, сбил на землю пару самых рослых бандитов, пытавшихся подойти к нему сбоку.

Из толпы бросились еще трое, но выступивший вперед Мартин разбросал их быстрыми ударами дубинки.

– Ну-ка стоять! – рявкнул один из стражников, но главарь остановил его нетерпеливым жестом и сказал:

– Постой, служба! Лучше отвернитесь, мы их сейчас в капусту шинковать будем!..

После этих слов все бандиты достали ножи и стали окружать троицу смельчаков.

– Бурраш, мне вмешаться? – спросил с крыши Ламтак.

– Не сейчас, погоди, когда все завяжется!..

– Мы и до тебя, карепей, еще доберемся! – крикнул гному кто-то из толпы, однако другие его не поддержали. Сейчас все были сосредоточены на предстоявшей схватке с пришлыми.

И снова Бурраш начал первым. Орк выдернул меч из ножен, и этими ножами ударил одного из бандитов, а другого достал плашмя мечом по голове. Мартин и Рони тотчас рванулись в атаку, не ожидая, когда стена врагов задавит их массой. Дубинки замелькали в бешеном темпе, заставив первый ряд бандитов закрываться руками и пятиться. Задние, напротив, пытались наступать, и у противника началась свалка. В этот момент, словно ядро, в тыл бандитам свалился Ламтак и начал крушить всех подряд, снося врагов страш-

ными ударами своего щита и щадящими шлепками широкого меча.

Стражники хотели было снова вмешаться, но битва стала такой лютой, что они, напротив, попятились, а потом и вовсе сбежали с места.

Ламтак пробился к своим и стал в цепь. В схватке случился перерыв, и противники остановились, тяжело дыша и сверля друг друга глазами.

Пока выигрывали пришлые, у них были только царапины, ссадины и небольшие порезы, а из бандитов многие были в крови, а с десятков бойцов и вовсе не могли подняться.

– Предлагаю на этом разойтись, – сказал Мартин и улыбнулся вражескому главарю.

– С чего это? – возразил тот.

– С того, что я могу начать рвать вас голыми руками, и это будет очень страшно.

– Ой, как ты нас напугал! – презрительно скривился главарь и сплюнул под ноги кровавой слюной. – Хотел бы я на это посмотреть!..

– Смотри, – сказал Мартин и достал из-за пояса серебряный терций. – Я отдам его тебе, если вы сейчас же уйдете...

Сказав это, Мартин проделал с серебряной монетой тот же фокус, как и с ливром в доме купца Овцера, и, разомкнув побелевший кулак, показал всем смятое серебро.

– Лови! – крикнул Мартин и бросил главарю смятую монету. Тот поймал ее, рассмотрел, не скрывая изумления, по-

том посмотрел на Мартина и опустил руку с ножом.

– Ладно, – сказал главарь. – Сегодня мы уйдем, но завтра вернемся.

После этих его слов бандитское войско стало собирать раненых и, бурча под нос ругательства, направилось вон из тупика.

Бандиты прихрамывали и тяжело переваливались, некоторых вели под руки – те едва стояли на ногах. Это было похоже на отступающую армию, однако Ламтак сказал:

– Это еще не победа, сейчас стражники прибегут.

И он оказался прав – послышался лязг доспехов, и из-за угла выбежала целая дюжина стражников с алебардами. Выглядели они очень решительно, а командовал ими широкоплечий сержант в дорогом плаще, какой не купишь за обычное жалованье.

– Если мы начнем с ними драться, нам из города не выйти, – сказал Бурраш. – Прибежит подмога. Может, предложишь им денег, Мартин?

– Попробую, – кивнул тот и, отдав дубинку Рони, поспешил навстречу стражникам.

Выглядел Мартин миролюбиво, поэтому они невольно перешли на шаг, а потом и вовсе остановились после того, как остановился шедший первым сержант.

– Добрый день, ваша милость, – негромко произнес Мартин, останавливаясь в одном шаге от сержанта, который смотрел на него с неприязнью.

– Для тебя не очень добрый, прохвост! Командуй своей банде, чтобы бросали оружие и сдавались, иначе я прикажу зарубить вас!..

– Давайте решим вопрос миром, сержант, я дам вам три терции серебром, и мы мирно расходимся.

– Я взятку не беру! – звонко ответил сержант, полагая, что, арестовав чужаков, и так получит все их деньги.

– А если подумать?

Мартин схватился одной рукой за древко алебарды, а второй за огромную ременную пряжку сержанта и смял ее с еще большей легкостью, чем монету. Потом убрал руки и миролюбиво улыбнулся потрясенному сержанту, который рассматривал остатки пряжки, служившей одним из символов его начальственного статуса.

– Итак, пять серебряных терций, сержант. Это хорошее предложение.

Сержант судорожно сглотнул и посмотрел на Мартина, который теперь смотрел на него совсем не приветливо.

– Я мог вас где-то видеть?

– Только если служили в Угле.

– Вы служили в Угле? – удивленно спросил сержант.

– Я сидел там.

– Но... в Угле сидят бессрочно и более...

– Более трех лет никто не выживает, но я провел там двадцать и научился этому фокусу с вашей бляхой.

– Я... я должен собраться с мыслями, – сказал сержант. Потом покосился на своих подчиненных и снова повернулся к Мартину. – Дело в том, что у нас есть сигнал на этого гнома... И этот донос никуда не денется, он зарегистрирован

у городского полицейского прокурора.

– Но если этот гном исчезнет до вашего прихода, прокурор ничего не сможет вам предъявить.

– А он исчезнет?

– Это я вам гарантирую, через час его здесь не будет, – сказал Мартин, незаметно передавая сержанту серебро.

– Ну, раз вы говорите, через час, то мы вернемся через два, – пообещал сержант.

– Приятно было с вами познакомиться, сержант.

– А мне с вами. Счастливого пути.

Не успел Мартин распрощаться с сержантом, как Ламтак бросился к двери своей каморки, вскрыл ее хитрым кривым ключом и, ворвавшись внутрь, стал срывать половицы, под которыми, как оказалось, было сложено все его богатство. Рулоны кож, ножи, молотки, клещи, колодки, клей и еще много чего, что поместилось в два огромных мешка, каждый из которых был выше самого Ламтака. Однако он лично выволок их на порог, Рони подогнал мула, и они вдвоем мигом увязали поклажу. Теперь все было готово к отъезду.

– Ну и что у вас тут за ссора приключилась? – спросил Бурраш, когда они вышли из тупика на открытую улицу.

– Я отказался платить им налог сверх королевского и городского.

– Да неужто бандиты здесь башмачников данью обкладывают?

– Нет, не обкладывают, – ответил Ламтак после паузы, потом снял шлем и отдал Рони, тот положил его в один из мешков.

– Значит, ты их чем-то разозлил?

– Чем-то разозлил.

– Давай уже рассказывай, зря, что ли, мы за тебя впрягались, пенек старый? – потребовал Бурраш, и Ламтак, слегка оттаяв, заулыбался, поглаживая бороду.

– Чего привязался, оглобля? Ну, хорошо, скажу. Они на рынке над карлицей издевались, а я заступился.

– И с этого все началось?

– Еще не с этого. Я их побил крепко, потом они привели еще десять бандитов, я и их побил. А когда они привели стражников, я незаметно убежал.

– И с этого все началось?

Ламтак вздохнул, все слова из него нужно было тянуть клещами.

– Нет, все началось, когда я их снова побил, когда стражники ушли.

– А зачем снова побил? Тебе показалось мало?

– Им показалось мало! – возразил Ламтак. – Они опять стали карлицу пеньком обзывать.

– Пеньком?!

– Вот именно. Я-то солдат, меня таким словом не проймешь, а она – плакала.

Так, за ничего не значащим разговором, они вышли из центрального города, миновали шумный район между двумя стенами и, наконец, оказались в пригороде, где не было мощеных улиц, а только пыль, конский навоз и длинные вереницы обозов. Тут Ламтак остановился и, повернувшись, взглянул на высокие городские стены.

– Спасибо тебе, Йоншир, за то, что кормил меня, – сказал он. – Может, еще свидимся.

– Ты бы лучше нас поблагодарил, что вовремя подоспе-

ли, – заметил Бурраш.

– Это, конечно, подоспели в самый раз. Но я на этой крыше с утра сидел, между прочим.

– Ну, извини, если бы знали, пришли скорее, однако мы к тебе по делу.

– По какому?

– По хорошему. Нам компаньон нужен, старый проверенный товарищ.

– Опять драться?

– А хоть бы и драться. Ты, как я гляжу, это дело вовсе не забыл, хоть и тюкал целый год одним молоточком.

– Ну и что с того, что молоточком? Работа хорошая, люди деньги несут, у кого нет – платят, кто чем богат. Я ни от чего не отказывался. Получалось хорошо, даже монетки копить начал, думал, через пару лет смогу жениться.

– На карлице, что ли? – усмехнулся Бурраш.

– Ну ты скажешь тоже! Карлица – человек, а мне нужна глина. В Йоншире, между прочим, свои гномы имеются, из очень хорошего рода. Из Бинда-Хорвардов. Слыхали про таких?

– Да откуда нам про гномов знать? – сказал Рони, покачиваясь в седле между двумя мешками Ламтака.

– Это да, – согласился тот. – Кстати, Рони, ты подрос, стал шире в плечах!.. А уж колотушкой как машешь – одно загляденье!..

– Спасибо, Ламтак, – смутился Рони.

– А ты, Мартин, такой опасный. Если бы ты мой ремень так смял, я бы, пожалуй, тоже испугался.

Мартин улыбнулся, но Ламтак был совершенно серьезен.

– Ладони у тебя небольшие, пальцы длинные, как у дворянина какого-нибудь, откуда только сила берется? А вот башмаки скверные, пьяный, видать, башмачник был, козелок, вон, подшит недавно, а уже поехал. Мы как на место прибудем, я тебе козелок перешью и носки вытяну, совсем другой вид у башмаков будет.

– Спасибо, Ламтак.

– Пожалуйста. А куда мы идем-то, в какое местожительство, Бурраш?

– В Пронсвилль.

– Опять?

– Что значит опять?

– В прошлый раз тоже шли в Пронсвилль.

– Прошлый раз так вышло, а в этот раз у Мартина с Рони там дом просторный имеется. И вообще, Ламтак, ты стал болтливым.

– Это ты меня разговорил, кочка болотная. А в городе я молчал как рыба, даже гвозди не называл.

– Как это не называл? – удивился Мартин. – Как же ты обходился?

– Не называл, и все. Клиент говорил: вбей сюда два гвоздя, подметка уже дышит. А я ему говорю – ага. И все. А сейчас я и вправду разболтался, но это потому, что давно вас

не видел, а еще потому, что башмачник. Вот если бы был кузнец или того хуже – ювелир, тогда конечно, следовало бы помолчать. А башмачнику чего молчать? Я на войне столько лет молчал.

– А почему на войне молчал? – не понял Рони.

– Потому, что в бою орал, а после боя ел и спал.

Рони с Мартином посмотрели на Бурраша, ведь он тоже был солдатом.

– Да, Ламтак прав. Так на войне и было.

Какое-то время Ламтак молчал, видно было, что он заново переосмысливает свое теперешнее положение.

– Значит, опять воевать поедем? – спросил он, когда они отошли от города на приличное расстояние и впереди стали вырисовываться пологие склоны старых известняковых гор.

– Мартин предложил хорошее дело, – сказал Бурраш.

– Деньги платить будут?

– Еще какие.

– И какие же?

– Мартин сказал, что по пятьсот золотых на нос.

– Ох ты!.. – воскликнул Ламтак и покачал головой. Еще какое-то время они шли молча, сторонясь и пропуская возы, шедшие в город. Потом попили воды, передавая друг другу кожаный бурдюк. Ламтак тоже выпил, а потом сказал:

– Должно, без колдовства здесь никак не обойдется.

– Это ты о чем? – спросил Бурраш.

– О том, что за просто так – мечом помахать – таких денег не заплатят.

– И что, откажешься?

– Нет, не откажусь. Мне деньги нужны, я жениться хочу.

– А к старому хозяину-гнуму не хочешь вернуться? – спросил вдруг Рони.

Ламтак посмотрел на него, но не ответил, еще раз прово-

рачивая в голове этот вопрос.

– Нет, не хочу, – сказа он наконец. – Я буду напоминать ему о плохом, и он меня прогонит.

– У вас так принято?

– У всех так принято. Так что же мы будем делать в этом вашем Пронсвилле?

– Будем защищать заказчика, будем ловить шнырей, – начал перечислять Бурраш. – И искать шкатулку, которую у него украли.

– Всего и делов-то? Что-то не верится.

– Наверное, придется поехать на запад, – сказал Мартин.

– И далеко? – уточнил гном.

– Очень далеко. Возможно, ближе к Змеебаду.

– Вот это да, – снова произнес гном и покачал головой. –

Так вот за что золото дают?

– Именно за это, – в тон гному сказал Бурраш.

– В таком случае нам пора забирать влево, вон по той дороге, – заметил гном, указывая на пыльную глубокую колею, по которой, можно было не сомневаться, в город возили камень на ломовых телегах.

– В каменоломню, что ли? – удивился Рони.

– Нет, мы пойдем дальше, в деревню. Там хороший постоянный двор, и оттуда прямая дорога к перевалу. Мы же к перевалу пойдем?

– Да, – кивнул Бурраш. – И Ламтак прав, пора нам отдохнуть, а то мы с раннего утра топаем, а ведь намеревались,

гном, у тебя перекусить.

– Так и я хочу передохнуть, на крыше сидеть было очень неудобно, да и палками меня изрядно поколотили. Я уже забыл, когда меня так били в последний раз.

– На войне? – уточнил Рони.

– Не только. А что это у тебя в мешке выпирает, будто арбалет?

– Это и есть арбалет. Показать?

– Обязательно покажи. Я к кавалерийским машинкам очень большое любопытство имею. Вот пехотные не люблю – большие, грубые, а кавалерийские – другое дело.

Рони достал оружие и подал гному, который при виде такой редкой модели пришел в восторг.

– Два лука, да еще стоячие!

– Мачтовые, – поправил гнома Бурраш.

– Ну да! Я и говорю! Это ж какая работа тонкая, а? – продолжал восторгаться Ламтак, поглаживая оружие, проверяя натяжение тетивы и годность спусковой планки. – А это что?

Он вынул из закладки один из граненых болтов и снова восхищенно зашипел и зачмокал, как будто его угостили какой-то сладостью.

– Это же змеиное жало, честное слово! От такого болта никакая кольчуга не спасет, а, Бурраш?

– Да, коварная машинка, – подтвердил тот.

– А вы это заметили? – спросил Ламтак, нюхая кончик болта.

– И что там? – спросил Рони.

– Красный яд. Его из муравьев вытягивают и мажут нако-
нечник. Насмерть он не отравит, но жжет так, будто железо
каленное приложили.

– Я о таком раньше даже не слыхивал, – признался Рони.

– Ты не слыхивал, а меня раз в арьергарде так веником
отделали, что потом чуть шкура с рук целиком не сошла, –
сказал Бурраш.

– Веником? – не понял Рони.

– Веник, – начал объяснять Ламтак, – это держак, как у по-
луторного копья, а на конце связка веревок или кожаных по-
лосок с навязанным на них железом. Такой штукой пехота по
построениям хлещет, чтобы противник строй потерял. Это,
я вам скажу, та еще забава. – С этими словами Ламтак вернул
Рони арбалет и спросил: – А где ты такую машинку добыл?
Неужели с Мартином сложились? Она больших денег стоит.

– Это мне тетенька одна дала, – сказал Рони, посмеиваясь.

– Вот такие тетеньки у вас, у людей. У гномов тетеньки
к таким вещам и близко не подбираются.

– А что за тетенька? – поинтересовался Бурраш.

– Кухарка наша, – нехотя ответил за Рони Мартин, пони-
мая, что этим ответом вызывает еще больше вопросов.

Уже смеркалось, когда они наконец пришли в деревню, где все население по сельскому обычаю ложилось спать рано.

В амбары запирали кошек, чтобы сторожили ночью зерно, в хлевах доили коров, только что пригнанных с лугов. Крестьяне устало переговаривались, покрикивали на лающих собак, но все шло к скорому ужину и здоровому сну до раннего утра.

Вся эта неторопливая и сонная атмосфера так подействовала на путников, что они и сами были готовы упасть и уснуть, пусть даже и голодными, однако в стоящем на отшибе постоялом дворе уже горели в окнах светильники, а значит, были готовы и стол, и чистая постель, в чем путники очень нуждались.

– А еще хорошо бы какой мази от порезов, – заметил Рони. – А то руки от пота горят.

– Там хороший хозяин, он непременно сыщет для нас мазь и все, что угодно, – заверил Ламтак. – Меня в прошлый раз здесь как родного встретили. Ставьте мулов к коновязи, берите только оружие и самое ценное, а работник потом мулов в сарай отведет.

На правах завсегдатая этого заведения Ламтак первым распахнул дверь, и весь отряд вошел в просторный и хорошо освещенный зал. Видно было, что масла на светильники

здесь не жалели.

– Здравствуйте, гости дорогие! – радушно поприветствовал вошедших человек в сером фартуке, стоявший за длинным столом, на котором были приготовленные закуски и кувшины с пивом и сладкой наливкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.